

БОРИС КОНОФАЛЬСКИЙ

РЫЩАРЬ
РАЗБОЙНИК

Тутъ
инокъ визитора

Путь инквизитора

Борис Конофальский

Рыцарь-разбойник

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Конофальский Б.

Рыцарь-разбойник / Б. Конофальский — «Издательство АСТ»,
2022 — (Путь инквизитора)

ISBN 978-5-17-149941-9

Получив небогатый Эшбахт, Ярослав Волков и не представлял, что привяжется к новому дому всем сердцем – это произошло помимо его воли. Нелегко уберечь пограничный надел, но ради своей земли и своих людей рыцарь готов на всё: жениться на нелюбимой, ввязаться в войну с горцами, рисковать собственной жизнью...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149941-9

© Конофальский Б., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

50

Борис Конофальский

Рыцарь-разбойник

© Конофальский Б., 2022

© ООО "Издательство "АСТ", 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

«Это фэнтези, но в то же время глубочайшая психологическая, очень четкая и ясная проза, написанная великолепным языком... Не читиво. Оторваться невозможно, но заставляет думать. Очень богатый исторический и культурный материал. Для меня Борис Конофальский – открытие».

Максим Шевченко, журналист, политический и общественный деятель, публицист, радиоведущий, видеоблогер

«Несколько раз наткнулся на рекомендации почитать «Инквизитора» Бориса Конофальского. Прочитал. Рекомендую»,
Павел Корнев, писатель

* * *

Раубриттер – слово, появившееся в немецких рыцарских романах XVIII века. Обозначает рыцаря, участвующего в нападениях на купцов и путешественников.

Иначе – рыцарь-разбойник.

Глава 1

Пошли быстро. Волков подумал и повел людей не на юго-запад, в Мален, а на юг, в столицу Фринланда город Эвельрат. Прежде чем начинать заваруху, кавалер хотел знать, куда ему при необходимости бежать. Он вез письмо для капитана фон Финка, с которым хотел познакомиться поближе. Заодно Волков собирался посмотреть людишек, что набрали ему Хилли и Вилли в Ланне.

На вид людишки были дрянь, пятьдесят два оборванца – голытьба и сволочь, худые да оборванные, кто-то даже без башмаков. Ну, хоть старых не было, и то хорошо. Шли фактически за хлеб, большего он им и не сулил, так они тешили себя мечтами, что получится пограбить всласть. Об этом они говорили во время маршей, кавалер сам слышал. Эти разговоры он не пресекал, это были хорошие разговоры. Вечная мечта любого солдата – как следует пограбить. Без нее солдат и жить не может. Содержание, конечно, штука нужная, но кроме хлеба и жалованья у человека, что играет со смертью, должна быть мечта.

Людишек Волков не жалел, сразу пошел бодро. Переходы делал большие, а привалы маленькие. И на привалах валяться не давал. Как только вставали на отдых и перекус, так Роха гнал людей к телегам. Там брали мушкеты, аркебузы, арбалеты и принимались стрелять в

деревья, пни и в камни. Ни пороха, ни пуль кавалер велел не жалеть. Уже к вечеру первого дня веселья у бродяг из Ланна поубавилось, начали они понимать, что солдатский хлеб нелегок.

Волков усмехался, видя их кислые морды, когда Роха после нелегкого дня пути заставил их ставить у дороги настоящий военный лагерь. Ничего, пусть привыкают. Зато кормили их от души. Порции гороха с толченым салом и чесноком, фасоли с солониной Роха давал им хорошие. И пиво выдавали, и хлеб, даже по куску сыра каждому. Но насчет караулов был немилосерден. Караулы ночью несли как положено, а Хилли и Вилли дежурили и проверяли людей, чтобы те не спали.

После первой же ночи как по рассвету и росе принялись людей поднимать, так двоих и недосчитались. Ушли. Роха задал трепку Хилли и Вилли, как, мол, у них караулы стояли, как стражу несли, если людишки из лагеря сбежали? Хилли и Вилли сами этого не понимали. Стояли, насупившись, даже не оправдывались. Волков в эту учебу не лез.

Ротмистром у людей Роха, пусть он выговаривает. Беглых ловить не стали. Черт с ними, но после утренней стрельбы кавалер велел построить отряд и сказал:

– Этих двоих ловить не буду, но вам скажу, что коли тяжко вчера показалось, так сейчас уходите. Дальше еще тяжелее станет. Те, кто слаб да ленив, пусть ищут себе другой судьбы. Солдатский хлеб слабым и ленивым не придется по нраву.

Послушали его люди и пошли есть горох с салом. Никто не ушел, но Волков знал, что убегут еще людишки. Не может так быть, чтобы из пятидесяти двух новобранцев пятьдесят осталось. Никогда так не случалось на его памяти. Ну, если не считать гвардию. Оттуда никто не бежал вовсе.

Ему подали завтрак на перевернутой бочке рядом с обозными телегами. Зажарили тощую, старую курицу, что купили у местного мужика. Максимилиан принес из телеги вино и серебряный стакан. Брат Семион был тут же со своим стаканом, сел скромненько рядом на мешок, ел хлеб солдатский, запивал вином. Волков нехотя жевал эту жесткую птицу, думал. А надумав, позвал Роху. Когда Роха по прозвищу Скарафаджо – «таракан» – пришел, то сразу сел на землю рядом с кавалером, стоять на своей деревяшке он не любил.

– Думаю, Хилли и Вилли чином сержанта жаловать, – сказал Волков.

– Их? – Не поверил Роха. – Да помилуй бог, какие из них сержанты? Сопляки. Куда им в сержанты?

– У них по две кампании уже за плечами.

– Вот именно, что по две, а нужно, чтобы по десять было.

– И где ты возьмешь таких, у которых по десять кампаний? Такие только у императора или короля жалованье получают. Я королевского жалованья платить не смогу.

– Они не знают строя, не знают шага, не знают команд и барабанов. Какие из них сержанты?

– На кой черт им шаги и барабаны? Они стрелки, они не будут ходить в строю. Им главное – стрелять и бегать.

Роха не нашелся что сказать. Задумался.

Тут в их беседу влез и монах:

– «Так дайте молодым повод дерзать, и удивитесь вы дерзновениям их».

– Кто это сказал? – спросил Волков.

– Не помню, из пращуров кто-то, – ответил монах.

– Слышал? – обернулся кавалер к Рохе. – Доверься молодым. Может, и будет толк.

– А может, ты и прав, – вдруг согласился Роха. – Дадим чин, а жалованье оставим солдатское. Но пообещаем сержантскую порцию в добыче, так они носом землю рыть будут.

– Уж расстараятся, – заверил брат Семион. – Самые яростные в вере – это те молодые братья, что первый раз на приход поставлены. Уж более старательных в богослужении отцов и не бывает.

– Правильно, ты прав, поп, – сказал Волков. – Максимилиан! – Юноша тут же пришел. – Там, в подарках архиепископа, есть ткань, такая же, из которой пошит мой фальтрок. Отрежь от материала две банды – ленты в ладонь шириной.

– Да, кавалер.

Волков еще не доел свою старую курицу, когда Максимилиан вернулся с лентами.

– Такие банды нужны?

Волков взял ленты, осмотрел их, кивнул и сказал Рохе:

– Строй людей.

Вскоре все люди оказались построены в четыре ряда. Хилли и Вилли стояли в первом ряду. Они единственные среди этого сброда походили на солдат. И доспех у них был, захваченный еще в арсенале Ференбурга, и оружие было.

Все замерли и ждали. Волков возложил дело на Роху, а помогал тому важный Сыч. Сам кавалер сидел на бочке, вытянув больную ногу, за ним стоял Максимилиан с новым и роскошным штандартом, который подарил архиепископ.

– Хельмут и Вильгельм из Ланна, выходите ко мне! – скомандовал Роха.

Юноши переглянулись удивленно и, придерживая тесаки на поясе, почти бегом двинулись к Рохе. Остановились около него, все еще не понимая, что тут происходит.

– Шапки долой!

Молодые люди сняли шлемы, стянули подшлемники.

– Рыцарь Божий и хранитель веры Иероним Фолькоф по прозвищу Инквизитор...

– И господин Эшбахта, – добавил Сыч.

– Да, и господин Эшбахта, – продолжил Роха, – жалуется вам обоим сержантский чин.

Оба юноши открыли рты от удивления.

– Вильгельм из Ланна, подойди ко мне! – продолжал Роха.

Вилли тут же подошел к Скарафаджо, тот повязал ему на левую руку выше локтя банду.

– Хельмут из Ланна, подойди ко мне! – командовал Роха дальше.

Хилли вышел, сразу протягивая Рохе руку. Роха повязал ленту и ему.

– От имени кавалера Фолькофа, господина Эшбахта, я присваиваю обоим чин сержанта. И будете вы сержантами среди стрелков в роте моей! – громко проговорил Скарафаджо. – Я вот что вам скажу, – добавил он уже тише. – Не вздумайте опозорить меня и мою роту перед кавалером. Иначе вы и до первого дела у меня не доживете, я сам вас прикончу. Идите, благодарите кавалера.

Хилли и Вилли пошли кланяться Волкову. Тот им кивнул и без особой теплоты сказал:

– Вы не радуйтесь сильно, возможно, что звания ваши преждевременны. Жалованье у вас пока будет солдатское, а вот из добычи вы смеете просить порцию сержантскую. Кто-нибудь из вас грамотен? – Молодые люди переглянулись, и, глядя на их дурные физиономии, кавалер понял, что грамоте они не учены. – Писать, читать и считать чтобы выучились, – без всякой мягкости распорядился Волков.

– Писать? – скорчил жалобную физиономию Вилли и опять глянул на друга.

– Нет в учении печали, – сказал брат Семион. – Я вас выучу, добрые отроки. Не хуже других будете.

Новоиспеченные сержанты глянули на святого отца, как голодные собаки смотрят на доброго человека, что отламывает им хлеб.

– Не спускайте с этого сброда глаз. – Волков указал на людей, что все еще стояли в строю. – Мне нужно, чтобы они научились стрелять быстро и метко. Нужно, чтобы они научились быстро перезаряжать оружие, выходить на позицию и уходить с нее. Нужно, чтобы они стали солдатами.

– Господин, мы все... – начал Вилли.

Но кавалер жестом прервал его. Встал и пошел, хромя, к людям:

– Еще раз говорю тем, кто слаб и думает уйти: уходите сейчас.

Люди стали переглядываться, некоторые наклонялись, чтобы видеть весь ряд, может, кто из ряда выйдет, но никто не вышел.

Нет, эти мерзавцы хотели делить добычу. Они еще не понимали, куда попали.

– Хорошо, – сказал кавалер, когда никто из строя так и не вышел.

Он еще раз осмотрел этих людей и ни на секунду не усомнился, что кто-то из них еще сбежит.

Они шли на юг, еще утром вошли в землю Фринланд. Ничем эта земля не отличалась от земли Ланн, только дороги здесь были хуже. Городов тут больших не имелось, вокруг поля да пастбища, даже столица Фринланда, Эвельрат, и та была, кажется, невелика, не чета ни Малену, ни Вильбургу, ни Ланну.

Шли хорошим солдатским шагом. Волков не хотел давать поблажки, но вскоре Роха подъехал к нему и сказал, что людишки устали.

– Привал? – удивился кавалер. – Мы только пошли.

– Они к такому шагу непривычны. Горожане, лентяи. Были бы мужики, то шли бы и дальше, а эти уже едва плетутся, – пояснял Скарафаджо.

– Ни доспеха не несут, ни оружия, ни провианта, но уже на второй день марша едва плетутся?

Игнасио развел руками, однако он оказался прав. Почти тут же к кавалеру подошел Вилли и сказал:

– Господин, у нас один не может идти.

Волков повернул коня и увидал одного из людей полулежащего на обочине дороги. Кавалер подъехал к нему:

– Ну, что с тобой?

– Господин... – вздыхал бледный как полотно человек. – Не могу больше идти.

После каждого слова он вздыхал и держался за бок.

– Сыч! – крикнул Волков. – Дай ему кусок хлеба, и пусть идет куда хочет.

Но и это было еще не всё. До полудня двое просили разрешения уйти, у обоих ноги оказались сбиты в кровь, в мясо. Башмаки были у них совсем никудышные. Сыч выдал и этим хлеба. Когда по полудню стали на привал, людишек оставалось всего сорок семь.

Но даже на привале им не позволили валяться. Новые сержанты часть людей отправили на сбор дров и готовку еды, а остальные пошли учиться стрелять.

На третий день, когда до Эвельрата оставалась пара часов пути, еще один отказался идти. Сказал, что больше не может. Кусок хлеба – и катись к черту. Остальные ныли, что угробили свою обувь, но шли. Уставали, но на каждом привале и на ночевке успевали пострелять, бодро расстреливая и пули, и порох. Стреляли они все еще не очень хорошо, но Волков замечал, что в руках у них уже появилась сноровка. Люди учились быстро заряжать мушкеты и аркебузы.

Глава 2

Конечно, стража и близко не подпустила его банду к воротам города. К ним даже приходил офицер стражи спросить, кто и зачем шастает под стенами. Но, поговорив с кавалером и узнав, что у того есть письмо к капитану фон Финку от самого архиепископа, успокоился и был не против того, чтобы отряд расположился у западных ворот.

Волков оставил Роху в лагере за старшего и, взяв Сыча, Максимилиана и брата Семиона, поехал в город. И с капитаном поговорить, и купить всякого нужного, да и поесть нормальной еды, не солдатского гороха и старых куриц, а пищи тонкой, к которой он уже, признаться, стал привыкать.

Капитан был мужчина суровый, многоопытный и грузный, с седыми висками и усами, учтивостью он посетителей не баловал, даже если у тех имелись письма от его сеньора. Он указал кавалеру на стул и что-то буркнул в виде приветствия. Фон Финк прочитал письмо раз, поглядел на Волкова, прочитал второй, опять поглядел на Волкова и прочитал письмо третий раз, только после этого спросил:

– Так вы думаете грабить купчишек из нашей земли, которые будут по реке Марте вокруг ваших владений плавать?

– А как написано в письме? – сухо осведомился кавалер.

Фон Финк не ответил, он, кажется, еще раз собирался читать письмо. А Волкову это уже надоело, он устал с дороги и хотел есть:

– Вы если что-то желаете уточнить, так пишите архиепископу. Все это дело не моя придумка, я лишь волю Матери Церкви исполняю.

Капитан смерил гостя тяжелым взглядом, видно было, что вся эта затея ему не по душе. Но он являлся солдатом, поэтому просто сказал:

– У меня двести человек, сказано, чтобы я по мере сил поддержал вас и, коли надобность возникнет, послал к вам людей с железом под знамя ваше.

– Так могу я рассчитывать на ваших людей?

– Можете, но люди мои хороши, я их берегу.

– Я тоже берегу своих людей, без нужды ваших не попрошу.

– Еще в письме сказано, что если вы искать убежища будете, то не выдавать вас никому, кто бы ни просил, даже под угрозой войны. – Он, конечно, хотел знать, что все это значит, но спрашивать не решался и продолжал: – Можете на прибежище рассчитывать. – Волков кивнул. – Еще в письме сказано, что вы будете обижать купцов – так защиты нашим купцам от вас не давать. – Волков опять кивнул. – Как же так? Отчего так? – не понимал капитан. Этим непониманием и вопросами он уже начинал раздражать кавалера.

– В письме сказано, я вам говорить не должен. Коли знать хотите, так пишите архиепископу, – ответил Волков.

Видно, другого ответа капитан и не ожидал, сказал только:

– Об одном попрошу: купчишек наших обирайте без крови и лютости, последнего не берите. Купчишки наши с городскими нобилями в родствах состоят, с земельными сеньорами в близкой дружбе, как бы они не собрались вам отпор дать и без меня.

– Хорошо, – согласился Волков. – Все будет по-божески.

Больше говорить было не о чем, на том и расстались. И ушел от капитана Волков, не очень на того надеясь, уж больно не нравилась фон Финку затея архиепископа. Капитан этого и не скрывал.

Волков с сопровождающими нашли первый попавшийся кабак, который можно было считать более или менее приличным, расположились там и заказали еду. Потом он помылся, Сыч помог, и лег спать.

Тут, в Эвельрате, кавалер решил приобрести то, что ему требовалось. С утра он походил по лавкам и понял, что цены здесь не выше, чем в Малене, поэтому и начал покупать. Хоть и жалко было ему денег, но эти покупки являлись необходимыми. Начал с башмаков и сапог. Его люди были действительно плохо обуты, да и одеты скверно. А для того, чтобы хорошо ходить, нужна обувь. Он стал скупать всё, что можно было купить по бросовой цене: старые башмаки, латаные сапоги. Сапожники и старьевщики, прознав про то, тащили ему все старье, все заплатанное и все дурно сделанное.

Затем и одежду ему понесли. Сыч и монахи помогали Волкову, брали только крепкую. Панталоны, штаны, куртки, рубахи, чулки и носки – все-все-все. Все, что зависелось, все, что криво сшито, лишь бы было крепкое и дешевое. Пришлось послать Максимилиана за телегой, так много всякого хлама нанесли ему горожане.

А затем кавалер прошелся и по мастерским. Брал у мастеров стеганки и куртки из плотного войлока – лучшую одежду для стрелка. Купил и шлемов двенадцать штук. Кое-где кривые, а какие и ржавые. Ничего, выпрямят и почистят. Как в деле окажутся, так и кривому шлему рады будут. Брал и железо, всякую рухлядь, тесаки без ножен да кривые ножи, те, что побольше. Набрал всего целый воз с верхом. А заплатил всего двенадцать монет серебра и посчитал, что вышла хорошая торговля.

Так за делом торговым весь день и пролетел, не заметил Волков, как проголодался.

Следующим утром, на заре, он с приодетым людом пошел на запад, к Лейденицу, что стоял на реке Марте.

Лейдениц не являлся в полной мере городом, хотя и церкви в нем имелись, и ратуша, но не было стен. Да и сам мал был. Стоял он на реке Марте, и на пристанях его ютились несколько барж да дюжина лодок. Река тут значительно сужалась: всего тридцать шагов – мальчишка камнем перекинет. А за рекой лежал его Эшбахт. Да, Волков уже привык считать Эшбахт своим, ехал он туда как домой. Скорее всего, через несколько месяцев ему придется оттуда бежать, возвращаться сюда, в этот убогий Лейдениц, но кавалер пока об этом не думал.

Прежде чем начать грузить на баржу телеги, Волков пошел купить еще пороха. Людишки расстреливали порох с невероятной быстротой. Пули тоже. По глупости он не приобрел всего этого в Эвельрате, вот и пришлось платить тут втридорога. А пуль для мушкетов в Лейденице и вовсе не нашлось. Купил свинца два пуда и опять переплатил.

Переправились на свой берег. Там Волков расплатился с хозяином баржи и с лодочниками. Деньги уходили как вода сквозь пальцы. До Эшбахта всего ничего, но это если есть дорога, а дороги тут не было никакой, поэтому дома они достигли уже после полудни.

Эшбахт изменился, кавалеру это сейчас в глаза бросилось. Мальчишка гнал коз на выпас, во дворах мычали коровы, женщины гнулись в огородах, солдат из людей Рене вез целый воз рубленого куста, девки бежали по делам. Суэта, жизнь кругом. Не было и намека на то уныние, что царило, когда Волков только сюда приехал. Роха, Хилли, Вилли и людишки, что шли с ними, смотрели на все это с интересом. Они все жители города, для многих деревня оказалась в диковинку.

На пороге дома стояла Брунхильда, роскошная красавица. Платье новое, синее, яркое. Кружева белые, все ей к лицу. На голове высокая шляпа с фатой по моде последней. Знала, что ли, что кавалер едет, или все время так по дому ходила? Улыбалась ему, вся румяная, видно, ждала. Захотелось прыгнуть с лошади, побежать к ней, обнимать и целовать. Но нельзя. Люди кругом. Да и не мог он побежать, мог только жалко прихрамать к ней. Кавалер ждал, пока Максимилиан подойдет и придержит стремя, поможет слезть с коня. А на заборе были прибиты две шкуры волчьи. Одна из них огромная, гайская.

– Бертье добыл? – спросил кавалер у брата Ипполита, который тоже вышел навстречу и кланялся ему.

– Да, господин Бертье большое проворство в ловле зверей имеет. Каждый день с добычей приходит: либо с волком, либо с кабаном.

Волков подошел к Брунхильде, обнял и поцеловал два раза в щеки. По-братски. А то все смотрят вокруг.

– Господи, да как вы долго! Я жду-жду, а вас все нет, граф уже письмо прислал, напоминает, что турнир начнется через три дня, а вас нет. А я и не знаю, куда писать вам! – щебетала красавица.

Она за руку привела его к столу, усадила и стала ему тарелки ставить. Сама украдкой его по волосам погладит или подойдет, сядет рядом, руку ему поцелует, тут же вскочит и за другой тарелкой отправится. И болтает, и болтает:

– А я танцы разучила, господин Пануччи все танцы знает, ах, какие это удивительные танцы! Я так хочу потанцевать. Вот, к примеру, павана, ах, какой благородный танец! Кавалер

даму даже за руку не возьмет за весь танец, только к рукаву платья может прикоснуться, а дама так даже и не поглядит на кавалера. Только под конец они могут чуть-чуть пальцами прикоснуться. Не то что в деревнях, где парни так и норовят девицу за зад схватить, а некоторые охальники так и за передок шипают, и такое бывает. Их с танцев старики взашей гонят.

Волков молчит, смотрит на нее, хоть и голоден, хоть и устал с дороги, а деревенских парней прекрасно понимает. Он бы сейчас и сам эту роскошную девицу за ее твердый зад схватил бы двумя руками, да так, что ягодицы разошлись бы, так, что от пальцев бы синяки остались, и за передок ущипнул бы с удовольствием. Он едва сдерживался.

– А вот в сюите бранлей... там полная фривольность, так кавалер может держать даму за руку и даже пожимать ее, – продолжала Брунхильда, ставя перед ним поднос с нарезанным хлебом и благоухая при этом, разнося вокруг себя с каждым движением удивительный терпкий запах молодой и сильной женщины.

Волков бы, наверное, не выдержал, да тут как раз Роха пришел, встал у двери, ожидая приглашения.

– Зови сюда Хилли и Вилли, – велел ему Волков, не отрывая взгляда от рук и грудей Брунхильды, которая так и порхала вокруг него.

Юноши пришли, кланялись Брунхильде, принимая ее за госпожу, робко садились за стол. Брунхильда ставила приборы для них. Оба никогда не сидели за столом, на котором стояли стаканы цветного стекла, красивая посуда, а перед хозяином так и вовсе красовался кубок из серебра. Девка разлила мужчинам вино. Что-то шкворчало на огне, очень хорошо пахло дорогой едой.

– Сегодня ставьте лагерь, а завтра займитесь делом, – сказал Волков, пробуя вино из кубка.

– Заняться стрельбой? – робко поинтересовался Вильгельм.

– Дурень! – покачал головой Роха. – Стрельба – это само собой.

– Завтра выделите кашеваров, а после завтрака сразу отправляйте людей копать глину и рубить орешник, – велел кавалер.

– Будем строить бараки? – догадался Игнасио Роха.

– Да, потом закажем дерева и построим людям жилье. С печками, тюфяками и нарами, зима уже не за горами.

Начали обсуждать это, а тут Брюнхвальд пожаловал, Волков и его пригласил за стол. Рад ему был. И стали военные люди говорить о делах. Потом пришел отец Семион, тоже сел за стол. И Рене пришел, и Ёган, и брат Ипполит. И его, и Сыча – всех Волков звал за стол, всем находилось место и кусок хлеба с вином. Уже вечером, когда совсем стемнело, когда люди за столом были сыты, разгорячены вином и пивом, прибыл и последний из его людей – приехал с охоты Бертье. Он вонял лошадьми и кровью и хвастался, что убил за день двух волчиц. Ему наливали полные стаканы и поздравляли. Потом пришла и жена Брюнхвальда, все еще недурна собой, хоть и заметно располнела.

И тут кавалер вдруг понял, что все эти люди выглядят счастливыми. И Брюнхвальд, который уже закончил строить сыроварню для жены и теперь сидел, держал ее руку в своей, и Рене, всё улучшавший свой дом и говоривший о стеклах и рамах, и Бертье, пропадавший целыми днями на охоте, да и все остальные. Даже приехавший с Волковым отец Семион, и тот был доволен, готовясь уже завтра ехать в Мален для утверждения на приход. Все они жили своей жизнью. Никто не спросил у господина, зачем он привел с собой столько людей. Никто не хотел знать, что он замышляет. Нет. Все они ели и пили, болтали и смеялись. А он собрал их для того, чтобы сказать им, что скоро найдется для них дело. И не какие-то сыроварни, стекла в окна и охоты с собаками, а настоящее дело, которым они занимались всю свою сознательную жизнь, и просит об этом деле сам архиепископ Ланна. Нет, ничего такого говорить теперь не хотелось.

И в самого кавалера стала проникать эта теплота благодушия и мира, что исходила от всех этих людей. Особенно когда он видел свою красавицу рядом с собой. Она находилась рядом, и обида за бросовый лен, что пожаловал ему герцог, была уже не так остра. Брунхильда смеялась, прикрывая рот, чтобы не показывать отсутствие зуба, и желание награть денег утихало. И дорожный замок, что прибавлял любому человеку небывало высокий статус, вроде как не так уже и нужен, когда эта женщина невзначай касается его. Живут же другие без замков. Все его боевое настроение таяло. Он, конечно, еще спросил у Брюнхвальда:

– Карл, а как ваши люди, коли надобность будет, возьмутся за железо?

– За вас или для вас – непременно, – коротко ответил Брюнхвальд и снова продолжил свой глупый рассказ о том, как прекрасно его жена делает сыр.

– Рене, а как ваши люди? – спросил Волков.

– Очень плохо, – отвечал, чуть подумав, ротмистр, – рожь у них не взялась. Живут на молоке да кабанах, что бьет им Бертье. Вас благодарят за горох и просо, просят еще им купить. В общем, живут в безденежье.

– Обязательно куплю, – пообещал Волков. – И проса, и бобов, и гороха, и муки. Так они готовы в случае надобности взяться за дело?

– Так а что же им еще делать? Не всем нравится глину копать да кирпичи с черепицей жечь.

– Не далее как два дня тому назад люди спрашивали меня, нет ли где поблизости какой войны, – вставил Бертье. – Думаю, что они не отказались бы от пары монет.

– Но разбежаться не думают, – добавил Рене.

– Нет, разбежаться не думают, – согласился его товарищ. – Просто деньги нужны, а так им тут очень нравится.

Волков замолчал и больше не разговаривал за вечер. Пил вино, но был трезв, слушал шутки и почти не смеялся. Он вдруг подумал, что просьба епископа не так уж и важна. Может, не так уж и важна! Может, лучше остаться тут, в этой убогой земле, в этом бедном доме, с этой красивой женщиной, которая когда-то была блудной девкой. Наплевать на архиепископа, на грабежи и деньги, на желание иметь замок. Авось мужики и Ёган его прокормят.

Он вдруг растерялся. Может, и вправду стоит остаться тут жить, жить тихонько. Ведь что ни говори, тут неплохо, и люди все эти, что сидят за его столом, не так плохи. Роха выглядел приличным человеком, говорил с женщинами вежливо и даже галантно, хотя пил за двоих.

Что теперь делать? Отправить Хилли и Вилли в Ланн вместе со всеми набранными людьми? На эти вопросы кавалер ответов не имел.

Он вышел проводить гостей до ворот, все разошлись, в темноте с фонарем стояли только Сыч и Роха.

– Вижу, что ты им ничего еще не говорил, – заметил Игнасио.

– О чем? – спросил у него Волков.

– О деле, что ты задумал.

Роха хоть и выпил много, а говорил как трезвый.

– О деле? О каком еще деле? – Кавалер начинал немного раздражаться. Ему не нравилось, что Роха спрашивает о том, о чем он сам еще не принял решения.

– Для которого ты нас сюда привел, – говорил Скарафаджо, – я же слышал, как ты спрашивал ротмистров о готовности их людей. Не просто так спрашивал.

– Я просто спросил, – отрезал Волков.

– Ты никогда и ничего не делал просто, – усмехнулся Роха. – Дури вон этих простаков ротмистров, а я-то тебя десять лет уже знаю. Еще с южных кампаний.

Все это он говорил еще и при Сыче, который слышал весь разговор.

– Прикусил бы ты язык, Скарафаджо, – зло бросил кавалер. – Болтаешь как баба.

– Я нем как могила. Только хотел бы знать, что мне делать?

- Я тебе все сказал. Завтра займись постройкой барачков.
- Как прикажешь, Яро, как прикажешь.
- Господин мой! – В свете дверного проема стояла Брунхильда. – Господин мой, идите уже домой.
- Чего тебе нейдет, Яро? Чего ты все ищешь, ведь у тебя все есть для счастья. И холопы, и баба, и деньги. А ты опять что-то затеваешь. Я бы на твоём месте...
- На моём месте?.. Займись бараками, дурак! – зло ответил Волков, повернулся и пошел на свет открытой двери.

Глава 3

Он поздно лег да ещё и долго любил Брунхильду, все никак не мог насладиться ею. А она сама ещё вставала из кровати и голой ходила за водой, да все при свечах, как тут остановиться? В общем, встал Волков, когда пришел Ёган, сел у очага и стал говорить с Брунхильдой, которая поднялась ещё с петухами. Встал, когда услышал, как Ёган жалуется:

– Корову задрали волки. За неё деньги плачены, мужик плачет, без молока детей волк оставил.

– Дай поспать господину! – шипит на него красавица. – Чего уж теперь плакать, чего господина будить, корову-то волк не вернет.

– У кого волк задрал корову? – заинтересовался Волков.

– Ну, разбудил, дурень, – злилась Брунхильда.

– Господин, у мужика вашего, Михеля, – принялся объяснять ситуацию Ёган, – вчера заблудилась корова, убежала от пастуха, сегодня мужики пошли искать – нашли в овраге погрызенную.

– За Бертье посылал? – поморщился Волков, он пришел и сел за стол босой, только в нижней одежде.

– Нет, сначала вам решил доложить.

– Вот и дурень, шел бы к Бертье, чего господина всякой ерундой беспокоить, – буркнула Брунхильда, ставя на стол перед кавалером таз с теплой водой.

– Скажи Максимилиану, чтобы к Бертье ехал, – велел Волков. – Пусть тот сюда приедет, нужно это дело с волками закончить.

Ёган ушел, а Брунхильда подошла к кавалеру сзади, обняла сильными руками, зашептала в ухо:

– Чуть не убили вы меня вчера, едва жива осталась. Так меня трясло, что у меня дух перехватывало. Думала, задохнусь.

Она поцеловала его в щеку, а он поцеловал её руку.

Пока мылся и завтракал, приехал Бертье, позвал двух своих людей из солдат, что были всегда с ним на охотах, стали готовить собак. Лай стоял на весь двор, собаки взволновались, чуяли дело. Как кавалер закончил, так и поехали.

– Господи, хоть отдохнули бы, – говорила Брунхильда, стоя на пороге.

Но он ей только улыбался в ответ, даже не прикоснулся. На людях не нужно этого.

Волков, Бертье, Максимилиан и Ёган верхом, псаря пешие, Бертье и Максимилиан с арбалетами.

Ехали недолго, за Эшбахтом, на запад и вверх, потянулся длинный овраг, так вдоль него и направились. И получаса не прошло, как Ёган указал рукой на густые заросли барбариса под холмом:

– Кажись, там.

Так и было, там два мужика рубили топором то, что волки не догрызли, складывали мясо в мешки. Бертъе с псарями сразу взялись за дело. Псаряи с собаками полезли в кусты да в овраги, Бертъе заехал на ближайший холм осмотреться.

Мужики, завидев господина, бросили свое дело, кланялись.

– Чья? – коротко спросил кавалер.

– Моя, господин, – сказал тот, что был постарше.

– Я тебе корову дал, чтобы ты молоком детей своих подкормил, а ты прозевал ее. Угробил.

– Господин, – мужик перепугался, даже протянул руку к Ёгану, – никак не я, вот и управляющий соврать не даст, я вчерась весь день канаву на болоте капал. Барщину тянул.

– Да не он это, – подтвердил Ёган. – Это пастух-олух корову потерял.

– Ты мне... – Волков обратился к мужику, пальцем на него указывая, – вырезку мне домой принеси, если волки ее не сгрызли.

– Не сгрызли, господин, вымя да требуху поели, мясо не трогали, – говорил мужик, кивая, – принесу вам, принесу.

– Ёган!

– Да, господин.

– Коли мужик невиновен, дай ему денег, пусть новую корову себе купит.

– Ох, спасибо, господин, ох, спасибо! – Оба мужика стали кланяться.

– В долг ему дай, – произнес кавалер с ухмылкой. – То, что на дармовщину дается, не берегут.

– Господин, так разве то мы? – сразу скисли мужики.

Волков не слушал их, он говорил Ёгану:

– Сычу скажи, пусть пастуху плетей даст.

– Я и сам ему всыплю с удовольствием, – пообещал Ёган. – Не спущу дураку ущерб.

– Только не злобствуй, десяти плетей хватит.

– Ну, не злобствовать так не злобствовать, хотя я бы больше ему дал. Уж больно нерасторопны они тут, больно ленивы, спустя рукава все делают, без боязни.

– Не злобствуй, говорю, чтобы не свалился он потом в горячке.

– Как пожелаете.

– Кавалер! – крикнул один из псарей, тот, что залез в самую гущу кустов. – Собачки, кажись, след берут.

– Так берут или тебе кажется? – в ответ кричал ему Бертъе.

– Берут, берут, – отвечал псарь.

– Ну, пускай.

– Пускаю.

Собаки пошли резво, с задорным лаем, так что псаряи едва за ними попевали, да и Волков, Бертъе и Максимилиан тоже, хотя были верхом. Псы кидались и в овраги, и в кусты, а люди должны были обходить и объезжать препятствия. От такой езды – то в овраг, то из него, когда все время приходилось вставать в стремях – у кавалера заныла нога. Но что делать, просить собак бежать помедленнее? Или просить псарей придерживать. Нет, позориться перед более молодым Бертъе и совсем юным Максимилианом кавалер не желал, злился и на псарей, и на дурных собак, но терпел и ехал.

А собаки след держали крепко, кое-где петляли, конечно, но не оттого, что теряли след, а оттого, что волки бродили кругами.

И вели собаки на запад, шли южнее большого поля, которое кавалер отдал под пашни солдатам Бертъе и Рене, отчего теперь это поле называли солдатским. Они проехали белые мазанки, в которых селились солдаты, и направлялись все дальше на запад. Тут пошли совсем крутые холмы и овраги: в такой заедешь – так не выедешь. Еще тяжелее стало Волкову. Уже

второй час такой езды пошел, кавалер был чернее тучи. Он был уже готов остановиться, до границ его владений оставалось всего ничего, как вдруг собаки престали лаять. Волков остановил коня и дух перевел, обрадовался, что, наконец, нагнали волков, а Бертье и говорит расстроенно:

- Неужто потеряли?..
- След? – спрашивает кавалер.
- След, след, – говорит Бертье и кричит: – Клаус, Фольф, что там?
- Потеряли, – вместе отвечают ему псаря.

Собаки кидаются все из стороны в сторону, нюхают, нюхают, убежали в кусты, вернулись тут же, одна из собак так просто взяла и легла. Мол, всё, надоело. Нет следа. И остальные стали присаживаться. Сидят, языки высунули, дышат. Сразу тихо стало без их лая. А Волков молчал и думал, кого бы убить. Почти два часа пытки закончились ничем! Чертовы собаки, лучше бы вообще не брали следа.

А Максимилиан тем временем заехал на самый близкий холм и, оглядевшись с него, крикнул:

- Кавалер, тут тропинка на север ведет!

Волкову страшно не хотелось ему отвечать, ему хотелось раздавить чье-нибудь горло, но не отвечать оказалось бы невежливо:

- Эта тропинка ведет к дому монаха, здешнего отшельника, святого человека.

– Кавалер, а можно мне к нему съездить? – кричал Максимилиан с горы. – Все равно пока никуда не едем.

– Верно, – вдруг поддержал юношу Гаэтан Бертье. – Если он тут живет, может, знает, где у этих зверей тут лежбища. Давайте навестим его, кавалер.

Волков ему не ответил, развернул коня на север, дал шпоры и направился к дому монаха. Бертье тоже повернул коня. Псаря и собаки пошли за ними.

Это был никак не дом, так, лачуга из орешника, обмазанного глиной. Окон нет, только глиняная труба дымохода.

- Теплая еще, – сказал один из псарей, потрогав трубу, что выходила из стены.
- На солнце нагрелась, – ответил ему другой.

Максимилиан спрыгнул с лошади подошел к двери.

- Замок. Нет его дома.

Волков и так это понял, он сразу заметил крепкий, но ржавый замок на дверях. Нужно было уезжать, нога продолжала болеть. Собаки, почуяв отдых, развалились на земле. А Максимилиан пошел вокруг дома. Волков ждал и уже думал, что с раздражением выскажет что-нибудь юноше, но тот вышел с другой стороны дома и заявил:

- А за домом еще одна тропа, в кусты ведет.

Бертье сразу направился за дом монаха, псаря пошли за ним, а Волкову страшно не хотелось туда ехать, он хотел слезть с лошади и посидеть хоть на камне, только чтобы выпрямить ногу.

Но не пришлось, уже вскоре прибежал один из псарей и сказал ему:

- Господин, ротмистр просит вас туда.
- Что там еще? – хмуро посмотрел на него кавалер.
- Там кладбище, господин.

В двадцати шагах от лачуги монаха, за густыми и колючими кустами шиповника и вправду было кладбище. Маленькое, с самодельной низкой оградой из камней. С деревянными крестами и простыми камнями на могилах.

- Двенадцать душ тут упокоено, – сказал Бертье.

Волков наконец слез с коня. Его чуть не перекосило от боли, пришлось замереть и постоять, пока боль не утихла. Потом он все-таки пошел, тяжело припадая на левую ногу, зашел на

кладбище. Кресты из палок, могильные камни – просто камни с нацарапанными на них крестами. В углу у ограды – старая деревянная лопата. На могилах никаких надписей, все заброшено, кроме одного, старые. Лишь на одной, той, что ближе всех к выходу, холмик не сравнялся с землей. Волков подошел к лопате, взял ее, сел на ограду из камней, вытянул ногу и стал рассматривать инструмент.

– Интересно, кого он тут хоронил? – спросил Бертье.

– Бедолаг каких-то, – ответил ему один из псарей.

Ничего в лопате необычного не было, простая деревянная мужицкая лопата, старая только.

– Бродяг, что волки задрали, – уточнил второй псарь.

Волков поднял лопату, указал ею на самую свежую могилу:

– Мелковата могила для бродяги.

– Иди ты! – восхитился один из псарей и тут же осекся: уж больно грубо отреагировал на слова кавалера. – То есть и вправду могила-то махонькая.

– Да, – подтвердил Бертье, – так и есть, ребенка там похоронил.

Он пошарил по ближайшим кустам, но ничего не нашел там. Боль в ноге у кавалера улеглась, но не до конца, ехать было можно, он поставил лопату на место и сел на коня. Они направились в Эшбахт. Не ждать же монаха тут до ночи.

Глава 4

Приехал домой, с трудом слез с лошади, еле дошел до лавки и сел за стол.

Не успела еще служанка Мария ему на стол хлеб поставить, как прибежал мальчишка со двора, брат Марии, и сказал, что господина посыльный спрашивает.

– Проси, – велел Волков, думая, кого еще принесло.

Он сидел, щипал хлеб, когда вошел молодец в хорошем платье цветов графа.

– От графа письмо господину Эшбахту. И письмо госпоже девице Фолькоф.

Волков жестом позвал посыльного к себе, мол, я Эшбахт, давай сюда письмо. Тот сразу письмо вручил.

А тут и Брунхильда говорит:

– Я та госпожа, что ты ищешь, я девица Фолькоф. Давай письмо. От кого мне оно?

– От его сиятельства графа фон Мален, госпожа, – ответил официальным тоном гонец.

– Будешь ли ждать ответ? – спросил Волков, а сам с удивлением поглядывал на Брунхильду, как та, покрасневшись и волнуясь, ломает сургуч на бумаге.

– Ждать бумагу не велено, велено дожидаться от вас слов.

Волков, все еще поглядывая на красавицу, стал читать письмо от графа. Граф писал:

«Друг сердца моего, милый Эшбахт, к четвергу, как я вам и говорил ранее, у меня в поместье Малендорф, как и во многие годы прошлые, будет рыцарский турнир, а после ужины и балы, так два дня. На те турниры соберутся все господа графства нашего, и вас там быть прошу. И прошу вас быть там конно, людно, оружно – со всем вашим копьем, со всеми вашими рыцарями, со всеми вашими послуживцами, с кашеварами, посошной ратью и с вашим обозом. При всем доспехе и при всем железе, при барабанах и трубах. Так как к турниру прибудет сам первый маршал Его Высочества фон Дерилинг со своими гауптманами, чтобы произвести смотр ленного рыцарства нашего графства.

Жду вас во всей красе вашей».

«Еще и обжиться не дали, а уже ждут меня на смотр, да еще во все красе, не ровен час как и на войну потянут», – подумал Волков, бросая письмо на стол, и сказал посыльному:

– Скажи графу, что непременно буду. – Чуть подумал и добавил: – Буду во всей красе. Посыльный поклонился, хотел уйти.

– Мария! – крикнул Волков. – Дай человеку пива и сыра с хлебом.

Служанка быстро стала исполнять приказание, а Брунхильда дочитывала письмо от графа, улыбалась.

Кавалер протянул к ней руку и произнес:

– Дай-ка погляжу, что он тебе пишет.

– Зачем же вам смотреть, – вдруг нагло заявила красавица. – То мне письмо, а не вам, я ваши не смотрю, так и вы мои не трогайте.

От неожиданности, от дерзости такой кавалер даже рот открыл, был так этим ответом обескуражен, что, увидав его лицо, служанка, которая наливала пиво гонцу, прыснула со смеху. Служанка! Над ним смеялась! Он бы кулаком по столу дал, заорал бы на эту девку дерзкую, да нельзя при посыльном, этот обязательно расскажет графу. А Брунхильда с улыбочкой наглой сложила письмо и спрятала его себе в рукав платья.

– Дура, – тихо сказал Волков.

Когда посыльный уехал, он сидел за столом и молча ел, Брунхильда пыталась с ним говорить, но он ей не отвечал. Все не мог успокоиться. Как вспоминал смех служанки, так его передергивало от обиды. Так и хотелось встать и оттащить ее за космы.

Еще до обеда он послал Максимилиана собрать господ офицеров.

Первым пришел Роха, за ним приехали остальные. Как они собрались, так Волков и начал. Прежде всего прочел всем письмо графа, а потом спросил:

– Найдутся среди ваших людей охотники сходить со мной на смотр? Прокорм за мой счет еще и по десять крейцеров за день жалованья.

– Ну, смотр – не война, все согласятся, – заметил Рене.

– Еще и обрадуются, – добавил Бертье.

– Из моих людей будет столько, сколь вам потребно, – подтвердил Брюнхвальд.

– А из моих так все будут рады хоть какой-нибудь деньге, – засмеялся Роха.

– Тогда подготовьте по двадцать человек лучших, и с сержантами. И чтобы доспех начищен и оружие сверкало.

– Все лучшие будут с вами, – заверил Брюнхвальд.

– Мы подготовим людей, – сказал Рене.

Они стали расходиться, кавалер вышел их проводить, и на глаза ему вдруг попались Максимилиан с Сычом. Они сидели у забора и зубоскалили, смеялись над чем-то.

Он поманил их к себе.

– Да, экселенц, – сразу откликнулся Сыч.

И Максимилиан тоже подошел.

– Максимилиан, завтра покажи Сычу лачугу монаха, а ты, Фриц, сходи за лачугу, посмотри кладбище за ней, может, монаха встретишь, поговори с ним. Спроси, кого он там хоронит и что думает про волков.

– Да, кавалер, – кивнул Максимилиан.

– Но не тяните, потом возвращайтесь и подготовьтесь к смотру. Мы едем к графу. Вы, Максимилиан, поедете моим знаменосцем. А ты, Сыч, поедешь оруженосцем, одежду выстирать, помыться-побриться, коней вычистить. Нас будет первый маршал герцога смотреть. В общем, дел много.

– Не волнуйтесь, экселенц, все успеем, – заверил Сыч.

– Да, кавалер, – сказал Максимилиан.

Это хорошо, что в Эвельрате он купил людишкам Рохи хоть какую-то одежду, не иначе как чувствовал. Теперь хоть два десятка этих людей можно одеть и обусть так, чтобы за них стыдно не было.

Отбрали из них два десятка лучших, самых высоких и тех, что не шибко тощи. Шлемы, стеганки, войлочные куртки им раздали, выдали чулки и башмаки, раздали мушкетеры, построили в два ряда.

Хилли и Вилли сержантами в начало строя стали. Так они и вовсе в доспехе начищенном красавцы. И Роха с ними со всеми ротмистром. Бородища черная, платье потрепано, нога деревянная, сам на добром коне, прямо как из похода. На вид – так бывалый офицер, отец солдат, да и только. Поглядел на своих людей Волков и подумал, что, может, не так уж плохи они. На вид, конечно, а какими в деле будут – то одному Богу известно.

Бертге и Рене привели сорок человек с двумя сержантами. Тоже все как на подбор, тоже не в чем упрекнуть. Да еще два барабанщика с ними были. И это действительно хорошо. Пусть даже и небольшие мастера те барабанщики, но уж походный шаг выбивать умели, а больше от них пока и не требовалось.

Последними в Эшбахт прибыли люди Брюнхвальда. Вот уж кто хорош был, так это они. Доспех они еще сразу после Ференбурга брали, у людей Пруфа за бесценок покупали то, что те в арсенале города захватили. Десяток был в полном доспехе, а второй десяток в доспехе на три четверти. Половина при алебардах, алебарды не из простого железа, кованые, каленые, начищенные, на солнце сверкают. Остальные при копьях, клевцах и секирах. Отличные солдаты, настоящие доппельзольднеры¹.

Все они построились вдоль дороги, красавцы стоят такие, что бабы и дети прибежали смотреть. Волков ехал вдоль строя, рассматривая их. И сердце у него замирало, когда видел он лица и глаза этих людей, что смотрели на него. Смотрели с верой, смотрели с готовностью. Замирало оттого его сердце, что уверен он был, что если скажет им: «Пойдемте на реку купчишек грабить», – так и пойдут. Скажет им: «Пойдем на тот берег грабить горскую сволочь», – так тоже не откажутся. Они готовы, а многие так и ждут, что он позовет. А он сам еще не знал, что делать станет. Полночи вчера не спал, вспоминал слова архиепископа и, как ни странно, Рохи по прозвищу Скарафаджо.

Архиепископ говорил ему: «Иди и возьми себе все что хочешь, а я буду щитом твоим и убежищем». А пьяница и храбрец Роха говорил: «Какого черта тебе еще нужно, все у тебя есть, живи и радуйся. Отчего тебе все мало?»

И вот ехал он пред этими людьми, что не раз смотрели в глаза смерти, и решить не мог: жить с тем, что есть, или мало ему всего этого? Мало холопов, мало хорошей земли, мало Брунхильды? Оттого и замирало сердце, что никак он не мог ответить на этот вопрос. Так доехал он до конца строя и понял, что ему есть с чем показаться на смотре. Может, и рыцарей у него нет, но уж никто не упрекнет его в том, что он никчем, раз восемьдесят таких молодцов может привести с собой.

Но так и не решил, что делать дальше, эти мысли ему не давали покоя. И от них он становился еще злее, чем обычно.

А вот Брунхильда была в прекрасном расположении духа. Она пела не переставая и готовилась. То и дело исполняла танцевальные па, вспоминая недавно разученные танцы. Она крахмалила кружева, гладила платья, указывала Марии, как правильно штопать чулки, чтобы шов незаметный получался, сама стирала нижние юбки, так как была недовольна тем, как Мария это делала. Она готовилась к балам, к обедам и к веселью. К танцам и вниманию мужчин. Других мужчин.

Потом Мария стала таскать воду в большую деревянную ванну, госпожа собиралась еще и мыться, ведь господам негоже быть в грязи, не холопы же. Ну, хоть к этому ее приучил Волков.

¹ Доппельзольднеры – так в средневековой Германии называли отборных воинов-пехотинцев, получающих двойное жалование.

Он смотрел на все эти приготовления без всякого удовольствия. И едко ухмылялся едва заметно, представляя, как шепнет Брунхильде, что не возьмет ее к графу. Его так и подмывало сказать ей об этом. Но он так и не сделал этого. Он все равно не смог бы ей в этом отказать. Да и вообще, он давно уже понял, что мало в чем может отказать этой женщине, хотя временами, кажется, терпеть ее не мог.

Сыч и Максимилиан приехали после обеда.

– Ну? – спросил Волков, пригласив их за стол.

Сыч так сразу схватил хлеб, грязной рукой потянулся за куском сыра, что утром привез Волкову Брюнхвальд со своей сыроварни.

Кавалер оттолкнул его руку от большой тарелки, в которой лежал сыр, нарезанный крупными кусками:

– Говори.

– А что тут говорить, – произнес Фриц Ламме. – Ну, были мы у монаха, ну, видел я кладбище. В последней могиле ребенок похоронен. – Он опять потянулся к тарелке с сыром и продолжал: – Места там жуткие, дичь, глушь, как он один там живет, я бы там ночью рехнулся со страха.

– А он там точно живет? – спросил Волков.

– Живет, живет, – говорил Сыч, кусая сыр, как яблоко. – О, а ничего баба Брюнхвальда сыр-то делает, соленый. Я люблю, когда соленый. Иной сыр возьмешь, особо тот, что господа едят, так он никакой, что ешь его, что нет, так... Только брюхо набить, и то без всякого удовольствия.

– Вы видели монаха? – спросил кавалер у Максимилиана.

– Нет, опять дверь была заперта, – отвечал юноша. – Только вот Сыч сказал, что ночью монах там был.

– Откуда знаешь? – Волков опять глянул на Сыча, который очень охотно и с большим чувством ел сыр.

– Золу он выбрасывал и делал это после росы, – ответил тот, – когда уже солнце встало, иначе ее росой бы смыло.

– А что с могилой маленькой?

– Могила как могила, малехонькая, детская. А что там с ней не так? – удивлялся Сыч.

– Я думал, ты мне скажешь.

– Нет, про могилу нечего мне сказать.

– Нужно узнать, кто там похоронен. Поездить по окрестным деревням. Спросить, не пропадали ли дети недавно.

– Это можно, – сразу согласился Сыч, – только зачем?

– Узнаем, кто там.

– Ну, узнаем, и что? – говорил Фриц Ламме лениво.

Этим тоном безразличным он начинал раздражать Волкова. Кавалер смотрел на него уже недружелюбно.

– Ты узнай, болван, что за ребенок там похоронен.

– Узнаю, экселенц.

– Да выясни, когда он пропал. Потом спросим у монаха, где он его нашел.

– Так там про каждого похороненного у монаха надобно спросить. Уж больно их там много. Только вот сыскать самого монаха сначала надо.

– Надо. Найти и поговорить с ним было бы неплохо, – задумчиво произнес Волков. – Значит, вы так ничего и не выяснили?

– Ничего, экселенц, – отвечал Сыч, а сам опять смотрел на тарелку с сыром. – А вот кое-какая мысль интересная у меня появилась.

И Волков, и Максимилиан с интересом уставились на Сыча. Волков спросил:

- Говори, что за мысль?
- Монах вроде как беден, я в щелочку над дверью поглядел, так там нищета. Чашка кривая из глины да ложка деревянная.
- Ну, так и есть, я беднее монаха не видал, – подтвердил кавалер. – Говорят, он святой человек.
- Вот то-то и оно же! – ухмылялся Сыч, грозя пальцем. – То-то и оно!
- Да не тяни ты!
- Монах, святой человек, сам беднее церковной крысы, а лачугу свою зачем-то запирает. От кого, зачем? Что он там ховает?
- Может, деньги у него там? – предположил Максимилиан. – Или думаешь, что нет у монаха денег?
- У монаха? У святого, к которому, как говорят, со всей округи люди ходят? Думаю, есть, думаю, серебришко у него водится. Людишки таким святым и последнее при нужде принесут.
- Ну, так он и запирает деньги в доме, – говорит юноша.
- И ты бы, что ли, так сделал? – скалится Сыч.
- Ну, а как? – спрашивает Максимилиан.
- А как? – передразнивает его Фриц Ламме и смеется. – Эх, ты, дурень, это от молодости у тебя.
- А как бы ты поступил? – с обидой спрашивает Максимилиан.
- А я бы, – сразу сделался серьезным Сыч, – закопал бы их где-нибудь у кладбищенской оградки. Но уж никак не в лачуге.
- Ладно, это понятно, а что запирает монах в своем доме? – спросил Волков. – Что прячет?
- Ну, кабы знать, экселенц, кабы знать, – разводил руками Сыч. – Думаю монаха подловить да напроситься к нему в гости. Вдруг пустит. А как по-другому?
- А так, – сказал Волков спокойно, – как время будет, так поеду туда и дверь ту выбью вместе с замком. Лачуга его на моей земле, если я хочу узнать, что он там прячет, так узнаю.
- О! – тут же согласился Сыч и потянулся за вторым куском сыра. – Можно, конечно, и так. Тоже хороший способ.
- Ладно, быстро ешьте и приводите одежду в порядок, завтра на смотр поедем, чтобы были красавцами у меня.
- А когда по-другому было? – ухмылялся Сыч.
- Красавцами, я сказал! – рявкнул Волков. – И чтобы кони были чищены!
- Сыч и Максимилиан тут же вылезли из-за стола, пошли на двор. Знали оба, что, когда так говорит кавалер, лучше держаться от него подальше.

Глава 5

Малендорф, как и в прошлое посещение, произвел на Волкова впечатление. Дороги, мосты, мельницы, мужицкие дома – все было исправное, крепкое. Но на подъезде к замку все менялось. То тут, то там вдоль дороги виднелись настоящие военные палатки. То тут, то там паслись кони, в теньке под деревьями стояли обозные телеги, их с мужицкими не спутаешь: оси железные, сами большие. В телегах военный люд спит, только ноги свисают. У палаток оружие, и глазастые мужи при нем, с проезжих глаз не сводят. И чем ближе к замку, тем больше всякого такого. И главное – шатры стали появляться. Шатры красивые, с гербами и флагами рядом. Тут же у шатров коновязи, а там и кони, что по сто талеров и больше. Их конюхи начищают до блеска, так, что бока этих больших и дорогих животных на солнце сверкают.

У Волкова у самого пара отличных коней имеется. Но тут такие попадаются, что и ему не по карману. Настоящие турнирные дэстрие². Такие, что среднему человеку, мужчине, макушкой с их холкой не сравниться: кони выше будут.

А впереди шумит многолюдно арена. До нее еще ехать и ехать, а людской гомон уже тут слышен. Арена из крепкого дерева, вся во флагах, вся в драпировках. И те драпировки все в цветах рода Мален да в гербах их. Тут и гербы графа, и гербы самого герцога, их не меньше. Да видно, богат граф. Одной материи сколько потратил и дерева на арену немерено ушло. Волков даже считать не стал. Ему самому хорошее дерево было нужно: в его-то земле леса совсем не было.

Трубы зазвенели, и снова до кавалера донесся шум большой толпы.

И тут два всадника, что у дороги сидели в седлах да болтали непринужденно, увидели Волкова и его людей и поехали к нему. Оба, опять же, оба в цветах графа.

– Господин, ваши ли это добрые люди, те, что следуют за вами?

– Мои, – сказал Волков. – А кто вы, господа?

– Мы помощники распорядителя турнира. И просим вас и ваших людей стать на том поле. – Одни из верховых указал рукой на свободный участок вытоптанного поля. – И ждать распоряжений. А мы сейчас же доложим о вас графу и распорядителю. Как о вас сказать?

– Скажите, что прибыл Эшбахт со своими людьми. Граф просил меня привести своих людей.

– Да-да, на турнир прибыл сам первый маршал, он уже тут, сразу после турнира начнется смотр.

Они откланялись, а Волков указал ехавшему за ним Брюнхвальду, куда тому направлять своих людей на постой:

– Туда, Карл, вон наше место.

За людьми Брюнхвальда шли и все остальные, туда же сворачивали и обозные телеги. И телега, в которой ехала Брунхильда. И она была не рада, что ее везут не в замок, а на пыльное поле, на котором лошади съели уже всю траву. Для любого военного лагеря это было обычным делом. Каждый офицер знал то место, которое ему и его отряду отводят командиры. Командирам лучше знать, где кому ставить палатки. Но вот красавица об этих военных правилах знать ничего не хотела.

– Господин мой! – кричала она Волкову с явным раздражением. – Отчего же мне не в замок ехать, а на пыль эту? Словно я баба деревенская, что на ярмарку тетка привезла. Я в замок хочу, меня граф ждет.

– Нет графа в замке, не ждет он вас, – так же с раздражением отвечал кавалер, – на ристалище он, поединки наблюдает, а после будет смотреть местное рыцарство вместе с маршалом, так что пока тут со мной посидите.

– В пылище этой?! – с еще большим раздражением кричала ему красавица.

– В пылище этой! – так же зло говорил он.

– Я уж лучше в замок поеду, там подожду, – не сдавалась Брунхильда.

– Будьте тут! – заорал он так, что соседи по полю, кажется, услышали.

Зла на эту упрямую бабу у него иногда не хватало. Своевольна и упряма невероятно.

Поехала она, конечно, туда, куда он хотел, но при том лицо корчила:

– Спасибо вам, братец, как раз я кружево крахмалила под пыль такую.

И все это перед людьми, перед солдатами и слугами. Она просто унижала его своей дерзостью, никто не осмеливался так говорить с ним, кроме этой спесивой и своенравной бабенки.

² Дэстрие – крупный боевой конь, зачастую используемый на турнирах. Термин подразумевает не определенную породу, а определенные свойства жеребца.

И ладно бы была из старой какой фамилии, из рода, чьи предки Гроб Господень освобождали, а то ведь из харчевни, из хлева выползла и осмеливается ему дерзить при всех.

Он ничего не сказал в ответ, только глядел на нее зло.

Солдаты Рене поставили Волкову прекрасный шатер. Тот самый, что захватили в Ференбурге. Шатер этот затмил все шатры, что располагались вдоль дороги. Он был велик, высок и вызывающе богат. Сколько на него ушло крепкой красной материи, с алым бархатом да с вышитыми гербами Ливенбахов, и не сосчитать...

Кавалер оказался настолько доволен шатром, что престал злиться на свою женщину и отошел на десяток шагов к дороге. Да, шатер с дороги было отлично видно.

– Сыч, Максимилиан, поставьте пред шатром мой штандарт, тот, что подарил мне архиепископ. И не дай вам бог, если его ветром повалит, пусть даже ураган поднимется, – сказал кавалер и добавил: – А потом помогите мне надеть доспех.

В землю вкопали крепкий кол и уже к нему привязали штандарт. Легкий летний ветерок едва мог колебать тяжелое бело-голубое полотнище с черным вороном. Под стягом, стараясь попасть в тень, Брунхильда поставила легкое раскладное кресло, что привезла с собой, а солдаты Брюнхвальда тут же сколотили ей стол из досок, за которые Волкову пришлось платить втридорога пронырливому купчишке, сновавшему между шатрами приехавших господ и делавшему неплохие деньги на всякой такой ерунде.

Служанка Мария, без которой госпожа уже не могла обходиться, тут же покрыла этот стол простой материей и поставила на него кувшин с вином. Злая Брунхильда села за стол и сидела там, попивая вино. Пила и ждала возможности еще нагрубить кавалеру.

Сам же Волков вошел в шатер. За ним Сыч и Максимилиан внесли ящик с дорогими и красивыми доспехами. Достали их и стали облачать кавалера.

Брунхильда пила вино и находилась в дурном расположении духа, в котором оставалась бы и дальше, не остановись у дороги четыре всадника. То были молодые господа, по коням и одежде сразу становилось понятно, что это люди из хороших семей, все они были юны, старшему едва ли исполнилось восемнадцать. Именно он спешился и, подойдя к красавице, низко поклонился и спросил с максимальной учтивостью:

– Дозволено ли будет мне и моим друзьям поприветствовать столь прекрасную госпожу?

Она посмотрела на красивого юношу поверх стакана и сказала не без высокомерия, присущего красивым женщинам:

– Дозволяю, приветствуйте.

– А не будет ваш муж, или батюшка, или брат против, если я и мои друзья поговорят с вами? – все так же вежливо говорил молодой человек, снова кланяясь.

– Батюшки у меня нет, – ответила красавица и после прибавила голоса, чтобы и в шатре ее было слышно: – Мужа у меня тоже нет, а если братцу моему что не по нраву, так ничего – потерпит. Говорите, добрый господин, что вы хотели?

Все остальные господа тоже спешились, один остался при конях, а двое других присоединились к разговору. Сначала они все представились, но Брунхильда запомнила имя лишь первого заговорившего с ней – фон Литтен.

– Госпожа, не сообразовите назвать ваше имя? – начал он вести разговор на правах старшего.

– Имя мое Фолькоф. Девица Брунхильда Фолькоф, а братец мой Иероним Фолькоф, владелец Эшбахта.

– Ах вот как! – Юные господа переглянулись.

И один из них продолжил:

– А почему же тогда вы поставили шатер с фамильными гербами Ливенбахов?

– Да, – поддержал его другой, – все интересуются, где же вы взяли этот шатер?

– Почем мне знать. – Брунхильда пожала плечами. – У моего братца много всяких вещей, что были когда-то не его.

– Он их покупает? – осторожно поинтересовался самый юный из господ.

– Вот уж нет! – засмеялась красавица, чем очень обрадовала юных господ, им по нраву пришелся ее смех. – Не большой он любитель покупать, он все больше отнимает.

– Так шатер он тоже отнял? – спросил с сомнением фон Литтен.

– Уж точно не купил, – продолжала смеяться Брунхильда. – Убить кого-нибудь да отнять – это он мастер...

Она не успела договорить, полог шатра отлетел в сторону, и вышел Волков, а за ним Сыч и Максимилиан. Кавалер был облачен в тот прекрасный доспех, что подарил ему архиепископ. Только шлема он не надел.

– Господа, я фон Эшбахт, чем могу помочь? – начал он без особой любезности.

Юные господа все представились ему. Они раскланялись, и фон Литтен произнес:

– Господин Эшбахт, ваш шатер вызывает у окружающих много вопросов. Вот мы и решили узнать о нем. И госпожа Брунхильда милостиво почтила нас беседой.

Волков был весьма недоволен всем этим, он быстро взглянул на красавицу и спросил у юноши:

– Госпожа Брунхильда по женскому слабостию села на солнце вино пить. Много ли умного она могла вам сказать?

– Мы просто хотели узнать, не из Ливенбахов ли вы? Странно было бы видеть многолетних врагов нашего герцога в нашем графстве.

– Нет, я Фолькоф, а шатер я взял в бою.

– В бою? Неужели кто-то из Ливенбахов сбежал, бросив свой шатер? – удивился один из молодых людей. – Ливенбахи бахвалятся своей храбростью.

– Никуда он не сбежал, – холодно произнес кавалер. – Я убил его.

– Убили? – Вот тут молодые господа уже точно ему не верили. Они приглядывались и растягивали губы в тех улыбках, которыми вежливые люди маскируют свое недоверие. – И как же вы его убили? В поединке? Копьем?

– Его убил мой стрелок, пуля попала Ливенбаху в открытое забрало, стрелок, кстати, здесь со мной. А через пару дней я разгромил отряд Ливенбаха, часть людей убил, часть взял в плен. И сам видел труп Ливенбаха. Я взял еще его знамена и его обоз.

– А где это случилось?

– В Ференбурге, еще во время чумы, когда весь город был завален мертвецами, а Ливенбах грабил его.

Он говорил так твердо и убедительно, что у юношей, кажется, не осталось сомнений.

А вот прекрасная девица так и сидела со стаканом в руке и закатывала глаза, удивляясь и восхищаясь тем, как кавалер мастерски хвастается. Она то и дело фыркала или хмыкала так по-женски ненавязчиво, привлекая к себе внимание юных господ.

– Здесь помимо стрелка присутствует и ротмистр Брюнхвальд, – продолжал Волков, – он там тоже был в то время.

– А доспех вам не от Ливенбаха достался? – поинтересовался один из юношей.

– Нет, – отвечал кавалер, – это награда от архиепископа Ланна за деяния во славу Матери нашей Святой Церкви.

– И меч тоже от архиепископа?

– Этим мечом меня наградил старый герцог де Приньи после сражения у озера Боло.

Больше вопросов у юных господ не нашлось, и тогда фон Литтен сказал:

– А не соблаговолите ли вы с госпожой Брунхильдой быть к нашему шатру на ужин?

– Не соблаговолят они, – бесцеремонно влезла в разговор мужчин красавица, – они приглашены на ужин и бал во дворец графа.

– Как прекрасно! – воскликнул один из юношей. – Мы и забыли про бал! Значит, прекрасная Брунхильда будет на балу?

– А танцы вы уже расписали? – робко спросил самый юный из господ, который до сих пор все больше молчал.

– Расписали? Это как? – не поняла девушка.

– Кто те счастливицы, что будут танцевать с вами? Есть ли господа, которым вы отдали свои танцы? Кто танцует с вами первый? – несмело продолжал юноша.

Волков смотрел на этого сопляка и чуть не морщился, так ему было это противно, а вот Брунхильда расцветала от внимания молодых людей.

– Нет, никому я свои танцы не обещала, – сказала она.

Тут же фон Литтен подошел к ней, поклонился и произнес:

– Могу ли я надеяться, что вы окажете мне милость и будете танцевать свой первый танец со мной?

– Хорошо, – чуть покраснев, отвечала красавица.

И тут же тот, что был робок, попросил второй танец у нее, и третий юноша тоже просил танец. И она всем обещала, после чего они стали целовать ей руку, и Волков всем своим видом показывал, как это все ему не нравится, хоть он и молчит. Кавалер уже искал способ побыстрее от них избавиться, но так, чтобы это не выглядело невежливым, как тут приехали помощники распорядителя, и один из них сказал:

– Господин Эшбахт, турнир на сегодня закончился, остальные выезды будут уже завтра, а сейчас распорядитель просит вас с вашими людьми идти к арене, маршал и граф будут смотреть всех там. Дайте знать, как будете готовы.

– Я и мои люди готовы, мы идем немедленно.

Глава 6

Он думал, как ему лучше: выехать, надев на прекрасные доспехи фальтрок, или показать их во всей красе. Но решил, что скромность будет ему украшением, а на виду в любом случае останутся поручи, перчатки и наголенники. Тем более что фальтрок, этот бело-голубой халат из великолепного шелка, и сам был весьма неплох.

Только шлем кавалер надевать не стал. Шлем и отличную секиру вез за ним Сыч.

Люди Волкова построились, все понимали важность момента, и офицеры короткими окриками выравняли строй. Сначала Брюнхвальд и его великолепные люди, настоящие допельзольднеры. Затем люди Рене и Бертье, которые были тоже неплохи, а уже последними стояли люди Рохи. Может, и неказистые на первый взгляд, но каждый при отличном мушкете. Все офицеры в бело-голубых шарфах, сержанты с бело-голубыми бандами на левой руке. Барабанщики тоже. А первым стоял Максимилиан с роскошным бело-голубым знаменем, на котором черный ворон сжимал в когтистых лапах факел.

«Долго ли придется ждать?» – только подумал Волков, как из ворот арены быстро вышел распорядитель, громко крикнул: «Ступайте! Ваше время!» – и стал призывно махать руками, зазывая кавалера на арену.

Волков на мгновение задумался, поднял было руку, чтобы дать команду, но это оказалось бы неправильным действием. Люди сзади его бы не увидели. Но вот Брюнхвальд знал, что делать.

– Барабанщики! – заорал он. – Походный шаг бить!

Быстрая барабанная дробь и...

Бум-м... Бум-м... Бум, бу-рум, бум, бум, бум...

Максимилиан тронул коня, Волков поехал за ним, оборачиваясь и видя, как колыхнулись ряды его людей, как поднял руку Брюнхвальд, а за ним и Рене, и отряд двинулся.

Максимилиан молодец, кираса сияла, голова повернута к трибунам, подбородок поднят. Весь вид мальчишки говорил о том, что он горд быть знаменосцем. Волков тоже повернул лицо к главной трибуне. А там дамы, дамы, дамы – все прекрасны, нарядны, все в парче, перьях и золоте. Все на него смотрят, все ему улыбаются благосклонно. Он тоже отвечает им улыбкой. Господа, конечно, там тоже есть, но Волков их не замечает, пока не доезжает до середины трибуны.

Там, в задрапированной ложе с балдахином от солнца, сидят важные люди. Там и граф с семьей, и солидные господа в золотых цепях, не иначе как маршал и гауптманы, и старый епископ Маленский. А рядом с креслом его два монаха, один незнакомый, а один... Волков на секунду опешил даже. По левую руку от кресла епископа стоял пройдоха брат Семион и улыбался, ручкой кавалеру помахивал. Впрочем, все ему улыбались: и граф, и епископ, и, кажется, маршал. Кавалер свернул к трибуне, остановил коня перед ложей и поклонился.

Один из людей графа тут же подошел к перилам и крикнул ему:

– Кавалер, как проведете своих людей, так приходите сюда, граф и маршал будут ждать вас!

– Непременно, – пообещал Волков.

Он поехал и встал на свое место. В конце арены Максимилиан развернулся и двинулся по другую сторону барьера, у противоположной трибуны. Там люд был попроще, но и приветствовали они Волкова и его людей намного радостней.

Его отряд отлично прошел, все без исключения, даже стрелки, были молодцами. Роха, Хилли и Вилли все делали правильно. Никто не отстал и не зазевался. Когда они выходили с арены, туда готовился войти не кто иной, как барон фон Фезенклевер со своим рыцарским выездом. Признаться, два десятка всадников в хорошей броне, на прекрасных лошадях в шелках и в перьях произвели на Волкова впечатление.

Барон и Волков кланялись, улыбались друг другу: все-таки соседи.

Волков отправил своих людей обратно в лагерь, только Максимилиана и Сыча оставил. Когда кавалер готов был уже ехать к стойлам за ареной, чтобы там спешиться, его окликнул Брюнхвальд:

– Кавалер, вы уделите мне минуту вашего времени?

– Да, друг мой, что вы хотели? – остановил коня Волков.

– Я взял сыра с собой, – начал ротмистр.

– Я видел, вы взяли целый воз хороших сыров. Понять не мог, зачем.

– То для графа, отвезу этот сыр к его двору. В подарок.

– Это разумно, Карл, это разумно.

– Но я хотел бы, чтобы вы с ним поговорили обо мне, – продолжал Брюнхвальд, заметно смущаясь, видно, что этот разговор давался старому солдату нелегко. – Понимаете, ездил я в Мален недавно.

– Так, и что?

– Хотел выкупить или арендовать себе место на рынке, поставить туда сына для торговли сыром. Так мне отсоветовали.

– Отчего же и кто вам отсоветовал?

– Отсоветовал мне старший городской советник, сказал, что, пока не урегулирую вопрос с гильдией молочников и сыроваров, лучше мне деньги на аренду не тратить.

– Ясно, гильдия не дозволит вам торговать в стенах города, пока вы не станете ее членом.

– Именно.

– Вы, конечно, пошли в гильдию.

– Пошел.

Брюнхвальд невесело вздохнул.

– И сколько они запросили?

– Даже говорить о том не хочу.

– Сколько? – настоял Волков.

– Восемьсот двадцать талеров земли Ребенрее за вступление и еще годовой взнос, про него я и спрашивать не стал, – произнес с очередным вздохом ротмистр. – Вот я и подумал, не могли бы вы поговорить с графом по моему делу.

– Я обязательно поговорю по вашему делу с графом, только сразу скажу, что это вряд ли поможет, Карл.

– Я буду вам очень признателен, кавалер, – сказал ротмистр.

– Но после этого разговора мы будем знать, что делать дальше.

На том они и расстались.

Волков оставил коней под надзором Сыча в стойлах за ареной, а Максимилиана взял с собой и пошел с ним наверх, в графскую ложу. Там кавалера сразу отвели к графу и маршалу, он им кланялся, и господа были любезны с гостем. А маршал, грузный и седой человек с золотой цепью на груди, так и вовсе сказал:

– Отличных людей вы привели. Отличных.

– Вы их наняли для смотра, кавалер? – поинтересовался серьезный муж, что сидел сразу за маршалом, видимо, один из гауптманов. – Если так, то это будет неправильно.

– Нет, они живут в моей земле, я выделил им надель, – ответил Волков.

– Неужто в вашем плохом поместье нашлось столько хорошей земли? – удивлялся граф.

– Хорошей земли у меня вовсе нет, на моей глине только рожь растет, но солдаты неприхотливы, им и рожь в радость.

– А чем же вы прельстили офицеров, они у вас, кажется, тоже неплохи? Ну, на первый взгляд, – спросил маршал.

– Мои офицеры отличны и тоже просты, как и солдаты, им я тоже выделил надель и участки под дома. Вот они со мной и остались.

– Мудро, мудро, – похвалил маршал. – Говорят, что вы много где в войнах бывали.

– Много, господин маршал, много в войнах мне быть довелось, – согласился Волков. – И люди, что перед вами шли, тоже во многих кампаниях отметились.

– Нам добрые люди всегда нужны, – заметил все тот же неприветливый гауптман, – но если вы полагаете, что за приведенных сверх меры людей вам будет из казны вспомоществование, то ждете напрасно. В казне денег нет.

– Я не уповаю на награду, – скромно отвечал Волков.

Тут граф покосился на маршала и по-товарищески похлопал того по руке:

– Ну, какое-нибудь вспомоществование я от своей казны выделю. – Он улыбнулся Волкову: – Тройку возов с бобами, пару бочек с толченым салом, пару возов муки да хороший баран, думаю, лишними не будет.

– Премного вам признателен, – поклонился в ответ Волков. – Мои люди не избалованы, ваш приз будет для них большой радостью.

– Ну, раз так, – сказал маршал, – то пусть и от меня будет им полсвиньи и пара бочек пива. – Он обернулся к своим помощникам: – Гауптман Фильшнер, распорядитесь.

– Распоряжусь немедленно, господин маршал! – отозвался неприветливый гауптман.

Волков поклонился и маршалу. Кажется, все дела закончены. Кавалер думал уже поцеловать руку епископу и убраться восвояси, все-таки он чувствовал себя здесь не совсем уверенно, уж слишком важными были люди, что сидели в ложе. Но старший сын графа, Теодор Иоганн, девятый граф фон Мален, поймал Волкова за локоть и, усмехаясь, сказал:

– Собираетесь сбежать? Даже и не надейтесь, вас ждут.

– Кто же? – искренне удивился кавалер.

Но молодой граф не ответил, он только указал рукой, продолжая загадочно усмехаться:

– Вам туда.

Теодор Иоганн был молод, но искушен. Он прекрасно чувствовал себя рядом с седыми мужами, выделяясь и умом, и характером. И умел лишь тоном своим, а не только словами, повелевать. Волков даже и не подумал послушаться. Он развернулся в ту сторону, в какую указывал молодой фон Мален, и сразу понял, о чем тот говорил.

Ему улыбалась сама Элеонора Августа, девица фон Мален, третья дочь графа. Незамужняя дочь. Она сидела рядом с красивой женщиной с рыжими волосами, которая тоже ему улыбалась. Немного... нет, не робея, с чего бы ему робеть перед женщинами, Волков неспешно двинулся к ней, на каждом шагу кланяясь тем дамам и господам, что сидели в ложе. Нелегко в латах и при мече никого не коснуться и не задеть, пробираясь между кресел. Так он дошел до Элеоноры с красивой дамой, остановился и низко поклонился обеим.

– Бригитт, уступите кавалеру место! – велела Элеонора Августа, улыбаясь ему ласково.

Красивая женщина тут же встала, ее лицо в веснушках было приветливо, она улыбалась, стараясь сгладить неловкость и освобождая Волкову место, но тот не сел.

– Что же вы, кавалер? – настаивала Элеонора, похлопав ладонью по подлокотнику. – Садитесь, Бригитт – моя служанка, она постоит.

– Госпожа, я так не могу, – улыбался Волков.

– Садитесь, кавалер, – произнесла рыжая Бригитт. – Садитесь, я просто берегла место.

– Нет, госпожа. То недостойно будет.

– Ах, как вы щепетильны, – проговорила Элеонора, и на ее лице мелькнула тень недовольства. Видно, не привыкла дочь графа, чтобы кто-то не выполнял ее просьб. Но она не стала настаивать. – Лакеи, лакеи, кресло рыцарю!

Кресло нашлось сразу, но, вот чтобы поставить его, втиснуть меж других, пришлось многим господам привстать. Ничего, Волков о том не волновался, а вот красивая женщина Бригитт краснела и стеснялась от доставляемых всем неудобств.

– Спасибо, – сказала Бригитт негромко.

Кавалер в ответ молча поклонился.

Наконец все расселись, и Волков стал разговаривать с дочерью графа. И опять заметил, что она неглупа, хотя очень своенравна. Девушка с удовольствием смеялась его шуткам, Бригитт тоже, хотя намного скромнее. Особенно им нравилось, когда он шутил над важным видом господ рыцарей, что один за другим с людьми своими выходили, чтобы пройти пред маршалом и гауптманами.

И все было бы хорошо, только вот жарко Волкову оказалось в доспехах да еще в фальт-троке поверх них. Хорошо, что лакеи разносили разбавленное вино с ледяной крошкой. И хорошо, что не стал он под доспех надевать стеганку, а надел их прямо на рубаху. Не на войну же шел. Впрочем, ничего, ему было не привыкать: на службе в гвардии иногда он часами стоял на солнце в доспехе и не помер.

Сидеть пришлось недолго: смотр перевалил уже за середину, за Волковым не так уж много господ было. Из тех, что он увидел, все оказались неплохи. Кавалер за шутками с дамами заметил, что только с этого графства можно собрать не менее тысячи хороших бойцов.

Протрубили трубы, оповещая о конце смотра. Герольд прокричал, что завтра на заре начнется второй день турнира, где и встретятся все те, кто сегодня одержал победу, и попросил гостей расходиться.

– Кавалер, друг мой, – остановил Волкова граф, когда все покидали ложи, – не убегайте, скажите, осчастливите ли вы меня?

– Чем же, господин граф? – удивился Волков.

– Маршал, – продолжал граф, обращаясь уже не к Волкову, – вы представить себе не можете, какой бриллиант хранит этот счастливец.

– Какой же? – продолжал не понимать кавалер.

– Да про сестру я говорю про вашу, про Брунхильду! – Граф молитвенно сложил руки и поглядел на небо. – Ах, вот поистине ангельская красота, вы не поверите, маршал, она сочетает в себе силу и жизненность простой крестьянки и благороднейшую красоту прекрасной девы. Жизнь, жизнь так и струится из нее!

Тут граф был прав, Волков тоже так считал, только не высказался бы так изящно.

– Так привезли вы свою сестру? – любопытствовал маршал.

– Да, господа, привез, – подтвердил кавалер.

– Так отчего же она не была с нами в ложе? – негодовал граф.

– Она охраняла мой шатер! – спокойно и с улыбкой ответил кавалер.

– Варвар! Дикарь! – закричал граф. – Немедля ее ко мне во дворец, я буду танцевать с ней.

– И я, если она действительно так прекрасна, – добавил маршал.

– Хорошо, но первые танцы она уже обещала, – усмехнулся Волков.

– Обещала? Да кому же? – неистовствовал фон Мален.

– Каким-то трем юнцам.

– Имена, вспомните их имена, я велю не пускать этих мерзавцев во дворец! – притворно злился граф, и все господа, стоявшие рядом и слышавшие их разговор, смеялись.

И Волков смеялся. Так же, как и эти господа. Он вдруг поймал себя на мысли, что они не отличают его от себя, принимают его за такого же. Да, он стал таким же, как они, и ни один из них не вздумает этого оспаривать. Он был им ровней. Он мог шутить с графом! С графом! С господином целой земли. Он запросто говорил с первым маршалом курфюрста, большого сеньора. Раньше, пять лет назад, Волков мог только кланяться таким вельможам и выполнять их приказы даже ценой своей жизни. А теперь этот маршал стоит и с улыбкой рассуждает об очереди на танец с «сестрой» кавалера:

– Скорее скачите за Брунхильдой, кавалер! Нам не терпится видеть вашу сестру.

Волков поклонился:

– Загоню коня, но доставлю ее вам, господа, к первому танцу.

Все присутствующие опять смеялись, но этот смех не был обидным, они смеялись не над ним, а над его шуткой.

Что ни говори, а над человеком, который может поставить под руку свою восемьдесят добрых людей, не сильно и посмеешься. А вот шутки его всегда станут казаться смешными.

Глава 7

Зал обеденный оказался огромен, у герцога де Приньи и то такого зала не было. Нет, не беден был граф, не беден. Столы стояли так, что граф фон Мален, сидевший в центре, видел всех людей, находившихся в зале. А гостей собралось под сотню. Два десятка лакеев едва успевали носить кушанья и разливать вина.

Жареные поросята, печенные с травами бараны, голуби и вальдшнепы, пироги, пироги, пироги. Волков уже не считал, сколько их. Оленьи паштеты, паштеты из гусиных печенок, томленые кабаньи ноги, зайцы и куропатки... И ко всему этому соусы: и белые, и красные, и острые, и винные, и с чесноком, и из сливок. Подавали также пять видов вин: красное двух урожаяев, белое, херес и портвейн. Самое плохое из этих вин было изысканней, чем то, что покупал себе Волков. А потом принесли фрукты и сладости. Кавалер не ел апельсинов и гранатов с тех самых пор, как подался с юга в гвардию.

Он почти не разговаривал, в основном слушал, что говорит Элеонора Августа. Она, кажется, знала всех людей, что находились в зале, молодая женщина была умна и остра на язык. Она рассказала обо всех гостях. Ну, конечно, о тех, что были достойны ее внимания. Кавалер разглядывал присутствующих и вдруг с тоской понял, что оказался, кажется, един-

ственным, кто нацепил на себя серебряную цепь. У остальных цепи были либо золотые, либо их не имелось вовсе.

Он уже подумывал, как бы снять ее тайком между переменах блюд. Уж больно часто люди посматривали на него. Не из-за этой ли простой цепи, которую носят, возможно, одни бедные провинциалы. Или, может, смотрели на Волкова по другому поводу. Может, потому что по правую руку от графа сидел старый епископ Малена, отец Теодор, а по левую руку графа оказался вовсе не его гость, не первый маршал его высочества и не сын его, молодой граф фон Мален, а девица Брунхильда Фолькоф. Вот и хотели все господа графства знать, кто они – эти брат и сестра? Отчего им такая милость? Почему девица сидит рядом с графом? Потому что у брата ее самый сильный отряд в графстве или оттого, что она самая красивая в графстве женщина?

И тут на балконе заиграла музыка, и это были не тихие лютни, что и так играли во время обеда, а настоящий оркестр. Он стал играть громко и призывно.

– Ну, наконец-то! – воскликнула Элеонора Августа, отодвигая от себя чашку с фруктами, залитыми медом и присыпанными льдом. – Танцы! Бал, господа! Хватит есть!

Лакей кинулся отодвигать ей стул, и Волков тоже стал вставать. Вставал, видимо, неуклюже, и дочь графа это заметила:

– Ах да, вы, наверное, танцевать не станете?

– Думаю, что это удовольствие мне недоступно, – с сожалением улыбнулся Волков. – Но я буду смотреть, как танцуете вы.

Тут женщина подняла призывно руку и крикнула:

– Барон, барон, идите ко мне!

Высокий человек увидел ее и с улыбкой двинулся к ним. Это был великолепно одетый господин, совсем еще не старый, не достигший и тридцати, высокий, едва ли не выше Волкова, цепь его украшала золотая. Он подошел, учтиво кланяясь и улыбаясь. И сначала Волкову он не понравился. Ну, всем был хорош этот барон. Просто записной красавец.

– Вы знакомы, господа? – спросила Элеонора.

– Не имел чести, хотя много слышал о вас, господин Эшбахт, – учтиво улыбнулся барон.

– Кавалер, это ваш сосед, кажется... Я права, барон?

– Да, наши владения граничат, – кивнул красавец.

– Да. Значит, вы соседи, это кавалер Иероним Фолькоф фон Эшбахт, – продолжала дочь графа. – А это Адольф Фридрих Баль, барон фон Дениц. – И, чуть понизив голос, добавила: – Не ссорьтесь с ним, он лучший рыцарь нашего графства.

– А вы, кавалер, выезжаете к барьеру? – поинтересовался барон.

– К сожалению, нет, – ответил Волков.

– Ах, простите мою бестактность, я совсем забыл, мне говорили о ваших ранах. – Барон положил руку ему на плечо. – Я забыл, что вы получали свои раны в настоящих делах, конечно, вам не до глупых забав богатых повес. – Кавалер не нашелся, что ответить, он не понимал, говорит барон с сарказмом или искренне, а барон продолжал: – Кстати, у вас редкая цепь.

Волков уже ожидал, что вот теперь-то и начнутся шуточки насчет его серебряной цепи. Он жалел, что не снял ее.

– В этом зале всего две такие цепи, – рассказывал фон Дениц. – Одна у вас, а другая у гауптмана Линкера. Гауптман получил ее от герцога за оборону Клюнебурга. Он просидел там в осаде полтора года, отразив девять штурмов еретиков. А вы за что получили такую цепь?

Волков опять не понимал, язвит ли барон или и вправду интересуется. Кажется, барон язвил, сравнивая его ловлю ведьм с настоящим военным делом. Но Волков не собирался что-то скрывать или стесняться своих деяний.

– Я сжег множество ведьм в Хоккенхайме, – твердо и спокойно сказал он.

– О! Видно, для этого потребовалось много мужества, – кивнул барон, кажется, впечатленный таким деянием.

– Уж поверьте, немало, – произнес кавалер.

– Господа, хватит болтать! – воскликнула Элеонора. – Танец, вы приглашаете меня, барон?

– Я для этого и приехал на этот бал, – с улыбкой сказал фон Дениц, взяв дочь графа за руку, и добавил: – А вы, кавалер, завидуйте мне.

– Буду завидовать и печалиться, – пообещал Волков.

Элеонора Августа вдруг взглянула на него серьезно и произнесла негромко:

– Очень надеюсь, что так и будет.

Лакеи к тому времени уже убрали часть столов, а другую часть, с винами, закускам и свечами, поставили к стенам, освободив место для танцев. Пары становились в центре зала, и Брунхильда была среди танцующих. Наконец, бал начался. Кавалер нашел себе у стены стул, долго стоять Волкову не хотелось. Уселся, думая поглядеть на танцующих, но разглядеть танцы ему не довелось. К нему с радостной улыбочкой подошел не кто иной, как брат Семион.

– Ну, наконец-то вы один, уже и не знал, как к вам подступиться! – заговорил он, пытаясь перекриковать музыку.

– Пойдем отсюда, – сухо сказал Волков, и они вышли из зала. Нашли себе тихое место на балконе внутреннего двора. Волков облокотился о перила. – Как ты тут оказался?

– Поехал в Мален к епископу, как вы и велели. А он, оказывается, поехал сюда. Пришлось последовать за ним.

Монах говорил абсолютно спокойно. Он был в великолепной сутане из темно-синего бархата. Такие под стать епископам. Он носил серебряное распятие на серебряной цепи, мягкие туфли вместо сандалий, и еще он благоухал. В общем, брат Семион ничем не выделялся на фоне господ на балу и выглядел здесь как свой.

Волков оглядел его и спросил:

– Ну, я видел, что ты был с епископом в ложе, ты поговорил с ним?

– Да, – отвечал монах, – и епископ продемонстрировал нам свою благосклонность.

– Он утвердил тебя на приход?

– Да, утвердил. Он очень ценит вас, господин, очень ценит, любую вашу просьбу готов поддержать.

– Да?

– Да, господин, да. И у меня для вас еще две хорошие вести.

– Что же это за вести?

– Кроме того, что он утвердил меня на приход Эшбахта, так он еще и дал денег на постройку прихода.

– Денег? – удивился кавалер.

– Кроме тех, что он уже вручил вам, епископ дает еще денег на постройку костела.

Теперь Волкова интересовало только одно:

– Сколько?

– Две тысячи двести талеров, – сообщил брат Семион с улыбкой. – Только...

– Что еще? – Кавалер даже не успел обрадоваться.

– Я на эти деньги и вправду буду строить костел, – продолжал монах. – Те четыреста монет, что епископ вам дал, пусть останутся вам, а на полученные мной деньги мы построим небольшой, но красивый храм. Уж не взыщите, господин.

– Я бы тебе поверил, мерзавец, если бы ты не стащил у меня ларец с золотом, что мы вывезли из Ференбурга.

– Господин! – воскликнул монах. – Но ведь я вернул вам вашу долю, а остальным распорядился так хорошо, как только было возможно.

– Угу, так хорошо, что ты до сих пор ходишь в бархате и носишь серебро.

Монах воздел руки к небу, словно призывая Господа в свидетели несправедливости слов Волкова.

– Ладно, посмотрим, что ты там настроишь, не думай, что тебе удастся много украсть.

– Я и не думал даже о таком, я хочу построить себе хороший костел. Себе, вам и пастве.

– Да-да, чтобы было куда баб водить, – с сарказмом прокомментировал Волков. Монах промолчал. – А как тебе удалось выклянчить у епископа столько денег?

– Он спросил, собираете ли вы войско для богоугодного дела.

– Спросил, значит? – вслух задумался кавалер. Ему не очень нравилось, что епископ так интересуется его делами.

– Я сказал, что вы привели хороший отряд из Ланна и что с теми людьми, что уже живут у вас в поместье, будет четыреста. А если они все переженятся и начнут рожать детей, то вскоре их окажется больше тысячи. И тот маленький храм, что вы построите на четыреста талеров, всех нипочем не вместит.

– И он решил выдать тебе еще денег?

– Да, господин, – улыбался брат Семион. – Восемь сотен серебром и вексель на тысячу четыреста монет. Он говорит, что его вексель примет любой банкир или меняла в Малене.

Кавалер молчал. Думал.

– Епископ верит, что вы сможете сделать то дело, на которое вас благословил архиепископ, – заговорщицки тихо добавил брат Семион.

Волков покосился на него с заметной неприязнью и спросил с тем же чувством:

– И тебе известно, что это за дело?

– Известно, господин, известно, – кивнул монах и тихо продолжил: – Знаю, что велено вам не допустить дружбы герцога и кантонов еретических. И не допустить сближения герцога и короля. И за то вам не только Святая Матерь Церковь благодарна будет, но и сам император. И мне наказано стать вам опорой и поддержкой.

Уже стемнело, ламп на балконе было мало, а свет из зала почти не попадал сюда, только музыка долетала из открытых дверей.

– А еще тебе наказано следить за мной, – сказал Волков, пытаясь разглядеть лицо монаха в сумерках.

Но монах не собирался лукавить.

– Конечно, приказано, – сразу согласился он, – и аббат Илларион просил писать о вас ему в Ланн, и епископ Малена. Вы всех интересуете, чего ж тут удивляться? Но я вам что скажу, писать я им буду то, что мы с вами сами решим.

Волков не очень ему верил, уж больно хитер был этот человек. Мало того, что брат Семион большой плут, так еще теперь и следить приставлен, следить да подталкивать. А ведь кавалер всё еще не решил, что ему делать. Может, он и не захочет затевать распри с соседями. Может, надумает жить тихо и незаметно. А теперь что? Как ему не начать распри, если к нему отныне этот плут приставлен.

А плут словно мысли его опять услышал и проговорил:

– Я скажу вам, господин, что для меня вы лучше всех святых отцов, в Ференбурге вы мне другом были, а для них я всегда слуга.

Волков поморщился от этих слов хитрого попа. Все равно не верил он пройдохе. Но этого хитрого монаха выгоднее держать при себе и делать вид, будто доверяешь ему.

– Ладно, – согласился кавалер. – При мне будь. Но имей в виду, в земле моей, кажется, рыщет оборотень, – он сделал многозначительную паузу, – ты уж служи мне честно, а то не дай бог найдут тебя в овраге с растерзанным чревом... или и вовсе не найдут.

– Вы во мне не разочаруетесь, господин, – заверил его брат Семион.

Ох и ушлый этот монах! За ним глаз да глаз нужен.

Бал тем временем гремел, Волков вернулся в зал, а там духота страшная, уже и окна открыты, но сотни свечей горят, десятки людей танцуют. Кавалер встал у стены, и, как ураган, на него налетела Брунхильда. Глаза горят, щеки пылают, вином пахнет. Подбежала, обняла:

– Ах, где же вы были, я уже четыре танца станцевала, а вас все не видела. – Она обмахивала себя рукой. – Господи, как мне жарко, человек, человек, вина со льдом мне!

– Может, хватит тебе? – спросил Волков, ловя на себе взгляды людей. – Может, поедем к себе?

– Хватит?! – воскликнула красавица. – Бал только начался. А у меня пять танцев наперед расписаны. – Она зашептала ему на ухо: – А сейчас... Следующий танец я с графом танцую.

Волков на мгновение задумался. Он смотрел в темно-синие, а в темноте так почти сиреневые глаза этой красивой молодой женщины и принимал решение. Решение это было для него непростым. Кажется, он начинал понимать, что прощается с ней.

Волков полез в свой кошель и достал оттуда склянку. Тот самый красивый флакон, что забрал у Агнес. Не без усилия откупорил флакон и всего полкапли капнул себе на палец.

– Что это? – спросила Брунхильда, отпивая холодного вина.

– Благовония, – ответил он и одним движением растер эту каплю по ее горлу. – Иди, танцуй, только не умори этого старого хрыча.

Бал закончился едва ли не к полуночи. Элеонора Августа давно попрощалась с Волковым и ушла спать, а Брунхильда все танцевала и танцевала, меняя кавалеров. И между танцами граф не отходил от нее, как, впрочем, и другие мужчины. На зависть всем господам сегодня королевой бала была крестьянка, дочь содержателя харчевни и блудная девка. А Волков сидел на стуле возле стены, смотрел на танцы, пил вино, но почти не пьянел.

А когда все закончилось, он забрал уставшую подругу и поехал к своему шатру. Они ехали под небом, усыпанным тысячами звезд. И она была счастлива, валялась на перинах в своей телеге и все болтала, даже не ругала Сыча, когда колесо попадало в яму. А кавалер ехал на своем коне рядом, все молчал и слушал ее. Молчал и слушал.

А когда они приехали и вошли в шатер, Брунхильда разделась быстрее него и сама стала к нему ластиться. Дышала на него вином и страстью, обнимая его и целуя. А руки у нее сильные, груди тяжелые, губы горячие, лоно жаждущее. И было в ней любви столько, что хватило бы на трех других женщин. И хоть устал он в тот вечер, но как в волосы ее попал, то будто в волны окунулся, что сил придали. Как запах ее вдохнул, почувял, так стал он ее брать и об усталости уже не думал. Хоть и нога у него болела, так позабыл Волков про боль. И брал ее, и брал, не мог уняться очень долго. Откуда только силы брались?

Глава 8

– Господин мой, – шурилась на ночник Брунхильда, – что же вам не спится, петухи только проорали. Темень еще. – И тут же охнула: – Ох, как голова болит. Словно в ней колокол бьет.

– Спи, – ухмыльнулся Волков. Он погладил ее по роскошному заду, что не был прикрыт одеялом, и вышел из шатра. – Максимилиан, Сыч, где вода? Мыться подавайте.

Едва взошло солнце, поехали они в замок. Волков не забывал свои обещания. Он отправился поговорить с графом по делу Брюнхвальда.

А во дворе замка уже суета, второй день турнира, распорядители готовятся, слугами командуют.

Волков думал, что может застать графа, пока тот не уехал на арену, и едва успел. В приемной уже толпились люди, то и дело слуга просил кого-то из них пройти в кабинет.

– Доложи, что Эшбахт просит аудиенции, – сказал Волков слуге, когда тот выпускал очередного посетителя.

Слуга кивнул, закрыл дверь, и почти сразу дверь снова открылась, из кабинета тут же вышел граф. Он был румян и бодр.

– Эшбахт, друг мой, здравствуйте! – Раскрыв объятия, граф пошел к кавалеру и обнял его, словно год не видел. – Что привело вас ко мне в столь ранний час?

– Дело моего друга, моего офицера.

– Пойдемте, пойдемте. Сейчас вы мне все расскажете.

Они уселись за стол, тут же лакеи принесли закуски: холодное мясо, молоко с медом.

– Угощайтесь и рассказывайте, – говорил граф с удивительным вниманием.

Волков угощался, рассказывал и, честно говоря, не думал о том, отчего граф к нему так благоволит. Он принимал это за природное радушие. Но в процессе рассказа лицо графа менялось. От абсолютного радушия до гримасы сожаления. Еще не закончив рассказ о делах Брюнхвальда, кавалер понял, что граф не поможет ему, и оказался прав.

– Друг мой, – с сожалением начал фон Мален, – как это ни прискорбно, но на дела городские влияние мое весьма ограничено. Я не могу воздействовать на городские гильдии. Да, все эти мерзавцы из городского консулата то и дело стоят у меня в приемной, но как только я пытаюсь сделать что-то в городе, так они, как цепные псы, кидаются на меня и суют под нос Хартию вольного города, подписанную еще моим дедом. Хорошо бы их всех перевешать, да все руки не доходят.

– Значит, чтобы торговать своим сыром в городе, моему другу все-таки придется платить гильдии молочников и сыроваров? – подвел итог беседы Волков.

Граф задумался на секунду, потом улыбнулся и сказал:

– Знаете что? Мы подложим этим сквалыгам небольшую свинью. Мои земли доходят до города, прямо до восточных ворот. Там я сам себе глава гильдии, пусть ваш друг ставит лавку в пятидесяти шагах от восточных ворот, где у меня стоит трактир, так вот, пусть прямо за трактиром ставит. И торгует там своим сыром. Если сыр у него хорош, как вы говорите, и цена будет достойна, то уж людишки как-нибудь дойдут до него.

– Спасибо вам, граф, – поклонился Волков, – а сыр у него отличный, он привез вам воз сыра на пробу. А как же ему благодарить вас?

– Ах, да пусть хоть двенадцать талеров в год платит для порядка, – отмахнулся граф и тут же забыл это дело, словно его волновало что-то другое, а разговор про сыр был лишь помехой для этого. – Эшбахт, как вы считаете, понравился ли вашей сестре вчерашний бал? Говорила ли она что-нибудь про него?

– Так это был первый бал в ее жизни, она о нем всю дорогу только и говорила.

Тут пришел слуга и что-то шепнул на ухо графу.

– Господи, да неужели нельзя без меня этот вопрос решить?! Распорядись, чтобы повара сами рассчитались! – раздраженно воскликнул тот и, когда слуга быстро ушел, продолжил: – Извините, друг мой. Сами понимаете, много гостей – много хлопот. – Волков согласно кивнул. – Значит, говорила? – то ли задумчиво, то ли осторожно продолжал фон Мален. – Она вчера много танцевала, кажется.

– По-моему, все танцы, – вспомнил Волков.

– Да-да, – говорил граф. – Все танцы. Все танцы. Друг мой, а нет ли у нее женихов, не обручена ли она с кем-нибудь? Может, сватается к ней кто?

– Так до вчерашнего дня ее не знал никто, – отвечал ему кавалер. – А теперь, думаю, палками придется женихов отгонять, вчера вокруг коршунами кружили.

– Именно, именно коршунами, – согласился граф с чувством. – И вы гоните их палками, гоните, сейчас молодые люди до того неприличные, что к честной девице таких близко подпускать нельзя. Повесы. – Он немного помолчал. – Ну, а за рукой вашей сестры к вам еще никто не обращался?

– Пока нет, – сказал кавалер. – Но думаю, что ждать мне недолго.

– Да-да, и мне так кажется, – согласился граф и тут же оживился: – Друг мой, завтра все разъедутся, а вы с сестрой оставайтесь. Тут будет тихо и хорошо. И мы с вами отправимся на охоту.

Вот только охоты Волкову не хватало. Он и так не мог больше пары часов в седле сидеть, и это по хорошей дороге, не торопясь. А на охоте вскачь да по полям и оврагам ему ногу через пятнадцать минут скрутит.

– Нет, господин граф, никак сие невозможно, – отвечал он. – Дел премного.

– Кабана завтра затравим, – уговаривал граф, – а после, дня через два, егеря оленя выгонят, поедем на оленя!

– Нет-нет, граф, никак, никак такое невозможно, дела заставляют сегодня до вечера же отъехать, – с видимым сожалением возражал кавалер.

– До вечера? – с сожалением спрашивал граф.

– Чтобы дотемна быть у себя, – разводил Волков руками.

– Но я могу рассчитывать, что увижу вас у себя в гостях, может, на следующей неделе?

Или хоть через две?

– Для меня то будет большая честь, граф, большая честь. Но о том мы договоримся после.

И Волков покинул заметно расстроенного графа. Кавалер шел по длинному балкону, спускался по лестницам и думал. Думал он о графе и Брунхильде, о себе и о деле, что затевал. И ничего придумать не мог, понимал только, что запутывается все больше.

От этих раздумий его отвлек брат Семион, встретивший кавалера внизу, у коновязи.

– Господин, как хорошо, что я увидел вас, – обрадовался монах, – а не то пришлось бы искать ваш шатер. Хотя ваш шатер так знаменит, что отыскать его было бы легко.

– Мой шатер знаменит? – мрачно спросил Волков, уставившись на монаха. – И чем же?

– Да помилуйте, все только и говорят что о вашем шатре. Да и о вас.

– Обо мне говорят? И что говорят?

– Так и говорят, что шатер ваш роскошен и что этот шатер вы то ли украли, то ли отняли у какого-то знаменитого рыцаря.

– Украл? Я взял его с боем!

– Я-то это знаю, но люди не все готовы верить в это, а еще говорят про ваш доспех. Говорят, что даже у графа такого нет. И что своих людей вы привели, заплатив им, что это не ваши люди и что случись нужда, так они при вас не будут.

– А еще что? – спросил кавалер. У него и так настроение было нерадостным, а тут такие неприятные слухи дошли.

– Все судачат о графе и госпоже Брунхильде.

– И что говорят?

– Говорят, что вы ее специально графу подсунули, чтобы вскружить ему голову.

Волков усмехнулся. Может, сплетники были и недалеко от истины. Он еще и сам, правда, не решил, насколько они недалеко.

– Говорят, что граф не танцевал лет двадцать уже, – продолжал монах, – а вчера так он на три или четыре танца с ней выходил. А еще говорят, что два молодых господина повздорили из-за госпожи Брунхильды, из-за очереди на танец с нею.

Тут Волков поглядел на Семиона скорее удивленно. Да, он не сомневался, что Брунхильда прекрасна. Уж как ему этого не знать, он-то видел ее во всей красе. Но чтобы ее успех оказался так очевиден и ярок... Чтобы до ссор из-за танца дошло!.. Ведь на балу присутствовали и другие красивые молодые дамы. Кавалер отметил для себя двух как минимум. Не обращая внимания на все еще что-то говорившего монаха, он машинально полез в кошель и достал из него маленький красивый флакон. Оглядел и его. Ничего удивительного, резной флакон из чистого белого стекла, в таких флаконах дамы носят благовония. Может, все дело в этом... Неужто Агнес и вправду так искусна?

– А что это, господин? – спросил брат Семион, заметив флакон.

– Ничего, – ответил кавалер и спрятал флакон. – Пошли, в бальной зале ставят столы, надо позавтракать.

– Господин, – сразу стал серьезен монах, – после завтрака нам с вами нужно без промедления ехать в Мален.

– Зачем еще? – удивился кавалер.

– Епископ на заре уже туда отъехал, нам за ним надо спешить. – Волков смотрел на него, не понимая, к чему ему ехать в Мален да еще и торопиться, и тот пояснял: – Деньги, господин, деньги ждут нас. Две тысячи двести талеров, что обещал нам епископ на кирху. Нужно забрать их, пока старик не передумал, или не забыл, или, прости господи, не умер. Куй железо, пока горячо!

Монах был прав, никакой бал и никакой турнир не стоили двух тысяч двухсот талеров.

– Да, – сказал Волков, подумав, – да, поедем немедленно, как только поедем.

Но не довелось им позавтракать. Едва повернулись они, чтобы двинуться к обеденной зале, так перед ним встал важный господин. То был, кажется, канцлер графа, он важно и с поклоном произнес:

– Кавалер и господин Эшбахт, девятый граф Теодор Иоганн фон Мален просят вас уделить им время для важного разговора.

– И когда же граф желает говорить со мной? – пытаюсь скрыть удивление, поинтересовался кавалер.

– Коли будет вам угодно, то немедленно.

– Я готов говорить сейчас. – Волков обернулся к монаху и велел: – Со мной иди.

Кавалер шел и гадал, что за серьезный разговор затеял молодой граф.

И, признаться, тревожился. Если старик граф казался ему дружелюбным и радушным, то старший сын виделся абсолютно иным. Был он на вид жесток и, кажется, умен. Глаз у него был холоден и внимателен. А еще оказался он немногословен и умерен в вине. Это Волков заметил на пиру. О чем этот человек хотел с ним говорить? Уж не о вчерашних ли танцах Брунхильды?

Канцлер провел кавалера в небольшую и светлую комнату, там оказались дамы. Одна из них была полная и важная, но незнакомая ему, рядом находились Элеонора Августа фон Мален и ее спутница, та, что была на турнире, кажется, звали ее Бригитт. Кавалер обрадовался знакомым лицам. Думал, что Элеонора подойдет поздороваться. Вчера так она и руку его брала при всех, и за столом с ним смеялась, как будто друг он ее старший. А тут потупила глаза и присела так низко, будто хотела на пол сесть. Глаз на него так и не подняла. И Бригитт тоже присела, только дородная дама ему вежливо улыбалась и что-то пробурчала в приветствие.

– Кавалер, прошу вас, сюда! – Канцлер сам открыл дверь и пропустил Волкова в роскошный кабинет с большим столом. Монах прошел за ним, а уж после и сам канцлер вошел внутрь, затворив за собой дверь.

Там их ждал молодой граф. И, слава богу, он радушно улыбался Волкову. Значит, разговор их будет не столь неприятен, как поначалу думал Волков.

– Друг мой, садитесь, – предложил граф.

Глава 9

Волков и брат Семион уселись на одной стороне стола, сам граф, канцлер и еще один человек расположились напротив. Третий человек со стороны графа был ученым или юристом. Или еще кем-то из тех людей, у которых пальцы всегда темны от чернил.

– Уж простите меня, что с утра прошу у вас времени для дела, но думаю, что сие и для вас может быть важно, – начал хозяин. Он указал на человека с грязными пальцами: – Это

секретарь коллегии адвокатов Малена, нотариус Броденс. Он с моего и, конечно же, вашего соизволения будет делать записи, вы не возражаете?

– Отчего же мне возражать, – все еще недоумевал Волков. – Или против меня затевается тяжба?

– Избавь бог, что вы, кавалер! Никто не осмелится приглашать человека в гости, чтобы затеять тяжбу. Но вопрос, о котором пойдет речь дальше, весьма щепетилен. И требует он того, чтобы был при разговоре юрист и документ составили по всем правилам.

Кавалера разбирало любопытство, и он сказал:

– Что ж, так давайте, господа, перейдем к делу.

– Прежде чем мы начнем, – проговорил негромко нотариус, – хочу, чтобы знали вы: коли вопрос вам покажется бестактным или глупым, так вы вправе на него не отвечать, в любой момент беседу прервать и уйти, никто не остановит вас.

– Начинайте уже, я весь в нетерпении, – сказал Волков. Он поглядел на своего спутника, брата Семиона, монах тоже был заинтригован.

– Имя ваше Иероним Фолькоф, рыцарь Божий и господин Эшбахта, которого прочие зовут Инквизитором? – стал спрашивать юрист.

– Да.

– Были ли имена у вас другие?

– Раньше звался я Ярославом. Был Яро Фолькоф.

– Отчего поменяли имя?

– Болван-монах по дурости своей при возведении меня в рыцарское достоинство записал меня в реестр рыцарей города Ланна как Иеронима и переписывать отказался. Я оспаривать не стал.

– Хорошо. Скажите, кавалер, правда, что всю жизнь свою вы провели на войнах и в походах и там ран и увечий во множестве снискали?

– Сие правда.

– Скажите, кавалер, были ли у вас раны и увечья, что мешали бы вам вождедеть дев и жен? Любезны ли вам девы и жены?

Волков покосился на своего монаха, тот сидел с остекленевшим от удивления лицом.

– Таких ран у меня нет, – ответил наконец кавалер. – Жены и девы мне любезны, вождедел их и вождедею, как Господом положено.

– Есть ли у вас пред Богом или пред людьми обязательства брака или обязательства безбрачия, есть ли обещания или обручения?

– Никому ничего подобного не обещал, – ответил Волков. Он, кажется, начинал догадываться, о чем идет речь.

– Что ж, на том первое дело мы и закончим, – заключил нотариус. – Вот, соизвольте поставить имя свое на этой бумаге.

Он положил на стол исписанный лист. Брат Семион тут же вскочил, взял бумагу, но Волкову ее не отдал сразу, а стал читать ее, словно поверенный у кавалера. И кавалер, как ни странно, был за это ему признателен.

– Все верно, господин, можно подписывать, лишних слов здесь не записано, только ваши слова, – тихо сказал монах, кладя бумагу перед Волковым.

Нотариус все равно услышал его слова и злобно глянул на монаха, оскорбленный таким подозрением.

Волков обмакнул перо в чернила и подписал бумагу.

– Что ж, – продолжил нотариус, забирая бумагу и пряча ее в папку. – Тогда перейдем к главному вопросу. Дозволите ли вы мне, граф, вести его или будете сами говорить?

– Скажу сам, – произнес молодой фон Мален. Он чуть помолчал, улыбаясь, глядя на Волкова и обдумывая, кажется, слова, а потом начал: – Не далее как вчера наш епископ, отец

Теодор, беседовал с моим отцом и сказал, что Богу неуютно, когда столь славный воин, как вы, и столь знатная девица, как моя сестра Элеонора Августа, пропадают в печальном одиночестве. И отец мой, и я считаем, что сие плохо не только для Бога, но и для государя нашего, его высочества герцога. – Волков внимательно слушал, не произнося ни звука. Его лицо не выражало ни малейших чувств. А фон Мален продолжал: – Учитывая неоднократно подмеченную приязнь и душевность, что установилась между вами и моей сестрой, думаю, что будет правильным от лица фамилии предложить вам ее руку.

Кавалер опять покосился на своего спутника, тот все так же сидел с изумленным лицом и вытупленными от удивления глазами.

А вот сам Волков оставался на удивление спокоен. Да, это предложение было для него неожиданностью, но отнюдь не чудом. Когда-то о таком он и мечтать не мог. Слыхано ли дело – дочь графа! Пусть третья, четвертая, да пусть даже девятая, но дочь графа! И ему предлагают ее в жены. Небесная, заоблачная высота для солдата или даже для гвардейца. А теперь... Теперь он совсем не тот солдат, каким был когда-то. Он станет слушать спокойно и внимательно. Даже если предложение ему будет делать второй человек в графстве, тот, кто через какое-то время сам станет графом. Будет слушать и думать. Это предложение Волкову, конечно, льстило, но чудом... Нет, чудом для него оно уже не являлось. Это предложение стало для него подтверждением его нынешнего статуса. И уж точно он не собирался, обливаясь слезами, кидаться лобзать руку молодого графа как благодетеля. Кавалер молчал, сидел и ждал продолжения. И, видя, что фон Эшбахт никак не реагирует на его слова, граф посмотрел на канцлера, как бы передавая тому право дальше вести беседу. Канцлер в свою очередь достал лист бумаги и спросил у Волкова:

– Желает ли кавалер знать наше предложение?

– Желая, – просто ответил Волков.

– Прекрасно, – кивнул канцлер и принялся читать: – «В приданое за девицей Элеонорой Августой фон Мален дано будет: карета, четверка добрых коней без болезней и изъянов, сервиз из четырех тарелок из серебра, четырех кубков из серебра, четырех вилок с серебряными рукоятками, четырех ножей с серебряными рукоятками, кувшин и два подноса из серебра. Дано будет двенадцать перин пуха тонкого и двенадцать подушек. Двенадцать простыней батистовых и две атласные. Покрывал атласных два и одно меховое, беличье». – Канцлер поднял глаза от бумаги. – Из белки красной. – И продолжил читать: – «Шубы две. Бархата два отреза. Шелка два отреза. Парчи тоже два отреза, красный и синий. Батиста для нижних рубах и юбок восемь отрезков. Кружев один отрез. Вина доброго десятилетнего шесть двадцативедерных бочек. Масла оливкового две двадцативедерные бочки. Также в приданое будет дан за девицей фон Мален десяток коров хороших с бычком. Пять свиней хороших с боровом. Десять коз с козлом. Десять овец тонкорунных с бараном. Четыре крепких мерина и две большие телеги. Медная ванна, два медных кувшина, два чана больших, два медных таза, двадцать полотенец».

Тут канцлер вновь сделал паузу. Он опять поглядел на Волкова и, опять не найдя в его лице каких-либо эмоций и не услышав от него вопросов, продолжил:

– «Ко двору жениха будет передано в крепость четыре мужика дворовых, без изъянов, здоровых, не старше сорока годов. И будет передано в крепость четыре дворовые девки без изъянов и болезней, не старше сорока годов. Также в содержание невесты будет передано тысяча талеров серебра чеканки земли Ребенрее. А жениху от дома Маленов будет дано шестьсот гульденов золотом в приз по свершении таинства венчания».

На этом канцлер закончил и положил лист бумаги на стол перед Волковым. Но тот бумагу не трогал, а взял ее брат Семион. И, не читая ее, даже не заглядывая в нее, сразу задал вопрос, как раз тот, который хотел бы задать кавалер:

– Уделов и сел за невестой не будет? Полей, покосов, выпасов, лугов или, может, лесов? Ничего?

– Ничего такого, – отрезал молодой граф. – Только то, что в списке. Поместий лишних у фамилии нет. Они все и так оспариваются моими братьями и другими родственниками.

– Девица рода фон Мален – и так награда немалая, многие бы взяли ее и без приданого, только за кровь и честь, – добавил канцлер.

– С этим я согласен, – наконец произнес Волков. – Я и сам считаю, что фамилия Мален оказывает честь, предлагая свою девицу мне в жены.

Все, кто сидел напротив, закивали, даже нотариус.

– Но мне надобно время, чтобы подумать, – продолжал Волков. – Никто из вас, господа, не станет осуждать меня, если попрошу время на размышление?

– Нет-нет, никто вас не осудит, – сказал граф. – Это у холопов женитьбы – дело веселое.

– Да, чего им: попа позвали, пива выпили и легли под куст, – засмеялся канцлер. – А может, и попа звать не стали.

Все рассмеялись, атмосфера явно переставала быть сугубо деловой.

– Да, – согласился граф, – у холопов жизнь проста и легка, женись на том, кто приглянулся, а для нас брак – это политика. Мы были бы рады видеть столь сильного мужа, как вы, в нашей фамилии. Да и вы, наверное, хотели бы видеть в родственниках графа.

– Не стану врать, об этом и не мечтал я даже, – заверил Волков.

– Так соглашайтесь, и граф вам будет отцом названным, а я названным старшим братом, – продолжал граф.

– Еще раз прошу у вас времени на раздумье, – отвечал ему кавалер.

– Конечно-конечно, мы все понимаем, – улыбнулся фон Мален.

А канцлер, также улыбаясь, добавил:

– Только хотелось бы нам услышать ваш ответ до конца уборочной, до фестивалей у мужиков. А уборочная уже начинается. Вам хватит две недели на раздумья?

– Хватит.

– Что ж, тогда будем ждать вашего решения, – проговорил канцлер. – А если по приданому у вас будут какие-то пожелания, то мы готовы их рассмотреть.

– Я за две недели все обдумаю и сообщу вам.

Все стали вставать из-за стола, раскланиваясь. А на выходе ждала Элеонора Августа с теми же женщинами. Элеонора снова почти уселась на пол, когда кавалер вошел в комнату. Но на сей раз он не прошел мимо, а подошел к ней, взял за руку и помог подняться.

Она все равно не поднимала глаз, смотрела в пол.

– Вы знаете, о чем я говорил сейчас с вашим братом? – спросил у нее Волков.

– Знаю, – тихо отвечала девушка.

– Желаете ли, чтобы это случилось?

– Жены из рода Маленов не желают ничего, чего бы не желали их отцы, братья и мужья, – нравоучительно проговорила дородная дама.

Но Волков и не глянул на нее, он ждал ответа от Элеоноры.

– Что угодно папеньке, то угодно и мне, – наконец ответила та и подняла на него взгляд. И кавалер вдруг понял, что она на его вкус совсем не красива. Куда ей до Брунхильды?

– Хорошо, – сказал он, – этого для меня довольно. До свидания.

Он шел вниз по лестнице и думал о словах этой женщины, а монах, следовавший за ним, говорил:

– Теперь ясно, зачем сюда епископ приезжал, зачем на разговор графа звал.

Волков остановился, повернулся к своему спутнику так быстро, что монах едва не налетел на него:

– Так ты думаешь, это затея епископа?

– Уж ни мгновения не сомневаюсь, – отвечал брат Семион. – Да и дочка графа в девках засиделась, Малены тоже рады будут, тут все одно к одному. А вам и приданое давать не нужно, и так возьмете. Вы ж не откажетесь от нее.

– А зачем это епископу? – не понимал Волков.

– Да как же зачем, господин, тут же все на поверхности лежит! – искренне удивлялся монах. – Вы свару с кантоном затеете, герцог на вас обозлится, решит покарать или в тюрьму бросить, а граф, родственничек ваш, выгораживать вас станет. А как вас не выгораживать, если вы муж его дочери? Нет, епископ хоть стар, а наперед смотрит. Он вам опору готовит в графстве.

– Чертовы попы, – покачал головой Волков. Он буквально почувствовал, как его толкают в спину, приговаривая: «Ну давай, давай, начинай свару, затевай войну». – А если я не захочу воевать? – спросил он, глядя в хитрое лицо монаха.

А тот и ответил сразу, не моргая и не размышляя ни секунды:

– Тогда вам тем более на графской дочке жениться нужно. Если уж вы надумали против воли церковных сеньоров идти, так тогда хоть с мирскими сеньорами подружитесь. Родственники такие вам никак не помешают.

Кавалер повернулся и пошел, размышляя на ходу над словами монаха.

– И нечего вам печалиться, – продолжал монах, идя за ним. – Все у вас есть и еще больше будет, главное – голову не терять.

– Думаешь?

– Конечно, вы ж с серебряной ложкой во рту родились.

Волкова аж передернуло от этих слов, он опять повернулся к монаху и зарычал:

– С ложкой родился? С ложкой? С какой еще ложкой? Один сеньор, сидя в Ланне, другому сеньору, сидящему в Вильбурге, пакость строит, а я рискую головой! Я или на войне погибну, или на плахе, или в тюрьму попаду, или мне бежать придется. И где тут ложка? Где ложка, болван? – Монах молчал. – Это у них там ложки! – Он указывал пальцем в сторону роскошного бального зала. – У них! А я родился с куском железа в руке. Чувствую, что и умирать мне придется с ним же и еще с одним куском железа – в брюхе.

Они вышли из замка, кажется, кавалер немного успокоился.

– Не вздумай сказать об этом разговоре епископу, – проговорил он, влезая на коня и слегка опираясь при этом на плечо Максимилиана.

– Я и не помыслил бы об этом, – отвечал монах, – но вот то, что граф предложил вам руку его дочери, обязательно упомяну, когда мы приедем за деньгами. Это он должен знать.

– Об этом скажи, – согласился Волков.

– Экселенц! – Сыч смотрел на Волкова во все глаза. – Вам что, предложили жениться на дочери этого? – Он кивнул на замок. – На дочери графа?

– Держите языки за зубами! – велел Волков.

– Да, конечно, экселенц. Конечно! – пообещал Фриц Ламме.

– Конечно, кавалер, – кивнул Максимилиан, тоже садясь на коня.

– Сейчас снимаем лагерь, – произнес кавалер, – вы двое поедете со мной в Мален, остальные отправятся домой.

– Господин! – остановил его монах. – Подождите меня, мне нужно найти свою лошадь.

– Догонишь! – не оборачиваясь, крикнул Волков.

Глава 10

Брунхильда уже сидела у зеркала и красилась, рубаха на ней была так тонка и прозрачна, что не заметить этого никак нельзя. Как специально такие носила. Мария ей помогала, платье обновляла, кружева замывала.

– Ах, вот и вы, где же вы пропадаете все утро? – Красавица подняла глаза, взглянув на кавалера.

Даже сравнивать ее с Элеонорой нельзя, словно сравнивать лань лесную с коровой. Глаза у нее припухли от выпитого вчера, волосы не прибраны, а все равно красивее не найти. Может, красивее нее была только дочь барона фон Рютте, Ядвига. Да и не помнит Волков ту Ядвигу уже, а Брунхильда тут сидит, с плеча прозрачная ткань падает. Через эту материю соски темнеют.

Необыкновенно красива она. Да, уж Элеоноре до нее далеко.

– Господин мой, что ж вы молчите? Или случилось что?

Она опять поворачивает к нему свое красивое лицо, и ее опухшие глаза кажутся ему такими милыми. Прямо взял бы ее лицо в ладони и стал бы целовать эти глаза. Но не сейчас, сейчас ему тоскливо. Даже видеть ее тоскливо.

– Собирайся, уезжаем мы, – проговорил он.

– Как?! – воскликнула красавица, вскочив и подбежав к нему. – Турнир сейчас, меня граф в ложе ждет. У меня на вечер, на бал, уже десять танцев обещано!

Теперь он еще и темный низ ее живота через легкую ткань видел. Кавалер отвернулся и сказал мрачно и холодно:

– Поедешь и попрощаешься с графом, а потом сразу сюда, мы уезжаем.

– Да как же так? Я же танцы обещала...

Он вдруг повернулся к ней. Быстро залез в кошель и сразу нашел там флакон Агнес. Полкапли, всего полкапли он вытряс из флакона на палец. И эти полкапли размазал под шеей красавицы от ключицы до ключицы.

Заглянул ей в глаза и поцеловал в губы. И быстро вышел из шатра. Вышел и сразу крикнул:

– Максимилиан, Сыч, езжайте с госпожой Брунхильдой к арене, она будет прощаться с графом. Потом сразу сюда. Хилли, Вилли, скажите господам офицерам, что снимаем лагерь. Уходим.

Он хотел побыть один, посидеть где-нибудь хоть минуту, но брат Семион тут же за ним увязался. Идет за ним, а сам читает тот список, что им канцлер дал, и говорит Волкову:

– Не сказано тут, кто свадьбу оплачивать будет, а это в такую деньгу влетит, что поморщимся потом. Уж я с деревенского старосты за одно венчание пять талеров брал, а тут сама дочь графа.

Волков шел вперед, уже хотел грубость какую-то монаху сказать, но тут догнал их Хилли:

– Господин, там два господина вас почти с рассвета дожидаются. Как вы ушли, так они прибыли и сидят теперь, все вас ждут.

– Скажи им, что я тут, пусть сюда идут, – распорядился Волков, усаживаясь на пустую бочку из-под пива.

Монах опять что-то нашел в списке, но кавалер жестом ему велел заткнуться. Ничего он сейчас не хотел слышать про свадьбу.

Ждать двух господ долго не пришлось, и господа те были странными. Вернее, странным был один. А второй, вполне себе приятный молодой человек из знатной семьи, сразу представился:

– Меня зовут фон Гроссшвулле. – Он поклонился.

Волкову было просто лень слезать с бочки, и он вел себя почти грубо, кивнул господину Гроссшвулле и без всякого почтения ответил:

– Фон Эшбахт. Чем обязан, господа?

– Господин фон Эшбахт, все тут только и говорят о вас, только и слышно о том, какой вы знаменитый воин, такой, что у Ливенбахов отнимает шатры. И что вы убили на поединке лучшего чемпиона герцога. И еще...

– Будет вам, будет! – Волков поморщился. – Я все свои подвиги и так знаю. Что вам угодно, господин Гроссшвулле?

– Пришел я просить за своего брата. – Гроссшвулле повернулся ко второму господину. – За этого вот человека.

Второй господин сразу бросался в глаза. Ростом он был даже выше Волкова, при этом крупный телом, печальный на вид, хотя в его годы, а было ему лет семнадцать, люди печалются не так уж и часто.

– Он наш седьмой в семье, последний и неприкаянный. Отдавали мы его в пажи известному господину, так его погнали, господин сказал, что он увалень. Отдавали в учение в университет, так только зря деньги потратили. В монастырь – так он и там не прижился, монахи его через месяц домой сами привезли.

– И что же вы хотите от меня? – уточнил Волков.

– Заберите его в солдаты. Другого толка от него не будет. Говорят, что в солдатах сержанты очень строги, пусть они будут с ним поостроже.

Кавалер глянул на большие деревянные башмаки увальня, поморщился и сказал:

– В таких башмаках он собьет себе ноги на первом же переходе в кровь, и придется его бросить на дороге.

– А пусть сержанты его гонят, пусть босиком идет.

– Нет. – Кавалер покачал головой. – Пустая трата на прокорм, слишком он рыхлый для солдата, не вынесет службы.

– На первое время для его прокорма я готов дать талер! А там, может, приспособите его куда-нибудь, – продолжал просить господин Гроссшвулле.

– Не отказывайтесь, господин, – прошептал Волкову на ухо монах. – Талер не будет помехой, а человека приспособим куда-нибудь.

– Ну разве что большим щитом, чтобы вражеские арбалетчики на него болты переводили, – усмехнулся кавалер.

– А хоть и так, – усмехался вслед за ним монах.

– Подойдите ко мне, – приказал Волков юноше. Тот сразу повинился. – Вы не трус? – спросил кавалер, разглядывая его.

– Не знаю, господин, – вылупив глаза, отвечал здоровяк. – Не было случая узнать.

– Хотите служить мне?

– Нет, господин. Солдатское дело очень хлопотное, – честно признался увалень. – У меня к нему не лежит душа.

– Теперь поздно думать, к чему там лежит ваша душа, теперь брат ваш мне денег предложил.

– Это понятно, – вздохнул здоровяк.

– Перед тем как взять вас, хочу знать, как вас убивать, когда вы струсите в бою?

– Что? – не понял молодой Гроссшвулле. Он стоял и таращил глаза на Волкова.

А тот был абсолютно серьезен, ему сейчас совсем не хотелось шутить.

– Спрашиваю вас, как предпочитаете умереть: с проколотым брюхом, с перерезанным горлом или с разбитой головой?

– Я даже не знаю, господин, – вздохнул увалень.

– Ладно, я сам выберу, – пообещал Волков и приказал: – Хилли! Возьми этого человека и проследи, чтобы он дошел до Эшбахта и чтобы ноги его не были в крови.

– Прослежу, господин, – пообещал молодой сержант.

– А вы, увалень, имейте в виду, что у сержантов на редкость дурной характер, особенно когда дело касается новобранцев и дезертиров, – ухмылялся кавалер.

Здоровяк, разинув рот, смотрел на Волкова со страхом.

– Пойдем! – Хилли схватил растерянного парня за рукав и поволок к своим солдатам.

– С вас талер, – сказал Волков его брату, когда увалень, подгоняемый сержантом, ушел. Гроссшвулле сразу достал монету, словно приготовил ее заранее. Протянул серебро кавалеру, но тот даже не потрудился взять деньги. Деньги забрал брат Семион. А Гроссшвулле еще кланялся за это и благодарил Волкова. А когда он ушел, монах, вертя монету перед носом, произнес:

– Вот так вот: сначала вы работали на славу, кавалер, теперь слава работает на вас.

Может, он и прав, но сейчас Волкову было плевать и на славу, и на монету. Сейчас он думал только о Брунхильде.

* * *

Долго Агнес не раздумывала. На запад ехать было нельзя: там Ференбург, Вильбург и Хоккенхайм. Ни один из этих городов она посещать не хотела.

– Игнатий, ты был в Эксонии?

– Конечно, госпожа, – отвечал кучер, поправляя сбрую на лошади. – Я сюда через те места добирался.

– Говорят, там много серебра.

– Это точно, госпожа, даже у тамошних хамов серебра больше, чем у хамов здешних, уж не говоря про господ.

– Говорят, это из-за серебряных рудников, что имеются там в избытке.

– Говорят, в тех краях их поистине немало, – соглашался конюх, открывая для нее дверь кареты и откидывая ступеньку.

– Ну что ж, значит, туда и поедем! – Агнес взглянула на служанок: – Ута, Зельда, у вас все готово?

– Да, госпожа, – сказала Ута, – все, что вы велели, сложено.

– У меня все готово, – сказала кухарка. – На день еды хватит.

– Ну, тогда поехали! – Агнес передала шкатулку конюху, оперлась на его руку и влезла в карету. А после забрала драгоценный ларец и положила себе на колени. Дождалась, когда Ута и Зельда влезут за ней, и уже тогда крикнула: – Трогай!

* * *

Городом Штраубинг звался напрасно. Захолустье, глушь. Кроме ратуши да кирхи нет ничего. Домишки крепенькие, старенькие, но чистенькие, видно, городской совет за этим следил. Улицы метены. Больше ничего: ни лавок хороших, ни гильдий. Только дорога большая, что шла через город с юга на север. Нипочем бы Агнес здесь не остановилась, не скажи ей Игнатий, что коням передышка и корм с водой нужны.

Трактир вонюч был и грязен, тараканы с палец, и прогорклым маслом недельной давности с кухни несло так, хоть нос затыкай. Людишки за столами – шваль придорожная. Игрошки, конокрады, воры. Ножи да кистеня за пазухами прячут. Как Агнес вошла, так все на нее уставились, но девушка этих людей ничуть не боялась.

Пошла, села за свободный стол. Драгоценный свой ларец на лавку рядом поставила и руку на него положила. Не сказать, что боялась кражи, просто так спокойнее ей было. Сидела, брезгливо разглядывая пивные лужи на столе, думала, а не сидит ли она на такой же грязной лавке, не придется ли потом Уте платье ее стирать. Тут пришла баба в грязном переднике, спросила, что госпоже подать.

– Пива, – коротко бросила девушка. – Только кружку помой, неряха.

Баба буркнула что-то и ушла.

Агнес осмотрелась: место ужасное, надо было искать другое, да уж теперь что грустить – кони распряжены, пьют и едят. Ничего, посидит тут час, не умрет. За соседними столами небритые рожи, в грязных руках липкие от дурного пива кружки. Но она взглядов не боялась, наоборот, искала их, чтобы встретиться глазами, чтобы видеть, как разбойники эти от ее глаз свои отводят. Отвратно ей тут было в грязи сидеть. Настроение у нее сделалось такое, что хотелось морду кому-нибудь располосовать. Думала, что кто-то из местных прощелыг к ней придет, обмануть или обворовать попробует, но нет, те отворачивались только. Принимали за благородную, наверное, побаивались.

И лишь один человек показался Агнес во всем кабаке приятным. То был господин в хорошей, но не в слишком богатой одежде. Когда он взгляд ее встретил, привстал из-за стола и, сняв берет, поклонился. Она благосклонно ему улыбнулась и кивнула головой в ответ. А подумав чуть, поманила рукой, предлагая сесть к ней за стол.

Тот сразу согласился и с кружкой своей перешел к ней за стол, кланяясь и благодаря.

– Мое имя Ринхель, кожевник и торговец кожами из Мелегана, может, слышали про мой город, госпожа?

– Нет, не слыхала. Я Вильма фон Резенротт, поместье мое рядом с Ференбургом, – сразу придумала себе имя Агнес, отвечая ему не без гордости.

– И как там? Чума улеглась? – интересовался торговец кожей.

– Давно уже, год как. А почему вы в месте таком, Ринхель? – Тут баба принесла Агнес кружку с пивом, и та кружка была так тяжела, что девушке пришлось брать ее двумя руками. – Для купцов сие место не очень хорошо.

– Так оно не просто нехорошо, оно очень даже дурное, тут кругом разбойники. Не захромай у меня лошадь, никогда бы тут не встал. Жду теперь, когда кузнец выправит подкову. Он обещал быстро управиться.

– А куда же вы едете? – спросила Агнес, отпивая пиво.

– Везу кожи и сафьян своему партнеру в Лебенсдорф. Надеюсь до вечера там быть.

– Лебенсдорф? – обрадовалась девушка. – Как это хорошо, я же тоже туда еду, а кучер мой, дурень, дороги не знает, может, мы за вами двинемся?

– Конечно, конечно! – тоже радовался торговец кожами. Он, правда, вздрогнул, когда эта молодая и благородная госпожа провела у него перед глазами рукой. Вздрогнул, но значения этому не придал. И продолжал говорить: – Ехать туда совсем просто: по этой дороге, что идет вдоль улицы, так все на восток и на восток, к вечеру уже будет Лебенсдорф. А там я покажу вам отличный постоялый двор, не такой грязный притон, как здесь.

– Значит, все на восток и на восток? – спокойно спрашивала молодая госпожа, а сама, не таясь даже, из склянки себе на палец капала темные капли.

Прощелыги этого видеть не могли, и торговец кожами как будто тоже, хотя дело и происходило прямо пред его глазами.

– Да, госпожа фон Резенротт, прямо и прямо на восток.

Девушка подняла палец и посмотрела на три темно-коричневые маслянистые густые капли, что лежали на нем. А потом вдруг спокойно опустила палец в кружку торговца кожами. И даже помешала им его пиво. И при этом спрашивала:

– А что же не пьете вы, или пиво тут кислое?

– Пиво тут обычное, – отвечал ей купец, отпивая из кружки. – Я его обязательно выпью. У меня, знаете ли, привычка такая: коли за что заплатил, так обязательно то выпью, не люблю денег на ветер бросать.

– Это полезная привычка, полезная, – говорила девушка и сама брала свою тяжелую кружку. – Так давайте пить.

– За знакомство, молодая госпожа, хорошо в дороге встретить доброго человека, – отвечал Ринхель, вновь пригубив пиво.

– Это большая удача, господин купец, – улыбалась ему благородная девица.

Глава 11

Два мерина тянули телегу торговца кожами, были они неплохи и ехали резво. Карета Агнес тянулась за ними, а дорога была совсем не безлюдна, то и дело встречались другие повозки и телеги.

И Агнес ощущала недовольство, только вот упрекнуть ей оказалось некого.

– Мало, мало я дала ему зелья, – тихо говорила она, то и дело выглядывая в окно кареты и смотря вслед телеге торговца.

Торговец был бодр, сидел и весело помахивал кнутом, объезжая колдобины.

Не могло же зелье так быстро испортиться, ведь Агнес его проверяла. На служанке зелье работало. А этот, вон, едет... Едет уже сколько. Нет, точно нужно было капать больше. Больше, чем три. Однако в книге говорилось, что до рвоты и даже до смерти оно довести может.

А карета вдруг стала останавливаться. И встала, съехав на заросшую травой обочину.

– Что? – высунулась Агнес из окна. – Что встал?

– Заснул, кажись! – крикнул с козел Игнатий и указал кнутом вперед.

Девушка поглядела и увидела, как телега с торговцем кожами съехала в поле, что было под парами, справа от дороги.

Поначалу кони еще тянули ее, а потом, поняв, что хозяин ими не управляет, так и встали там, шагах в пятидесяти от дороги.

– За мной иди! – коротко бросила Агнес служанке и, не дожидаясь, пока конюх откроет ей дверь и откинет ступеньку, выпрыгнула из кареты и быстро пошла к телеге.

Ута быстро шла за госпожой. Агнес приблизилась к телеге, кожевник Ринхель лежал, крепко сжимая вожжи, берет с головы упал, а костяшки на кулаках побелели. Словно он силился остановить лошадей в последнем порыве.

– Деньги ищи! – велела Агнес служанке.

А ее саму интересовало другое – не умер ли дурак этот. И было все на то похоже: щеки его ввалились, стали желты, глаза полуприкрыты. Нет, не могла она ошибиться в рецепте. Неужели в пропорциях ошибка вышла? Девушка наклонилась над ним, прикоснулась к щеке – теплая. Взяла за кисть его, как в книге писано, пальцами нащупала жилу сердечную. Нет, жив, жив дурак.

В беспамятстве просто. Но все равно нужно ей было специальную посуду аптекарскую и аптекарские весы покупать. По-другому зелья варить никак нельзя.

– Госпожа! – Ута протянула ей на ладони деньги. – Все, что в кошеле нашлось.

На широкой ладони девицы лежал всего один талер да еще мелкого серебра на столько же.

– Не все, еще ищи, еще должно серебро быть, – велела Агнес, забирая деньги. – В башмаках смотри, в рукавах, в полах платья.

Служанка принялась смотреть, где велено, но ничего не находила.

– Быстрее! – поторопила Агнес, увидав вдалеке мужицкую телегу.

– Нет, нет больше денег, госпожа, – подвывала Ута, ворочая купчика с боку на бок и ощупывая его одежду.

Агнес, конечно, злилась на эту корову, но что та могла сделать, если денег больше нет? Но девушка почему-то не верила, что денег у купца не было. Она подумала пару мгновений и ловкой рукой сразу пролезла к нему в панталоны, в гульфик.

Конечно, конечно, они были там. Девица вытащила маленький кошелек, сунула его под нос служанке и сказала зло:

– Дура.

– Господи, да кто ж знал... Да откуда мне знать...

Агнес откинула рогожу с телеги, там все кожи и кожи. И толстые, дубленые, какие солдатам надобны и на подметки башмачникам идут. И мягкие, те, что требуются сапожникам и седельщикам, мастерам по конской сбруе. И два рулона, что в сукно завернуты. Неспроста их так богато укутали. Отодвинула она сукно. Сафьян! Да еще и алый. Такой, что бумаги тоньше. То большим господам на перчатки, на охотничьи лосины и на сапоги идет.

– Бери! – ткнула она пальцем. – Бери оба.

Служанка сразу схватила нелегкие рулоны.

– В карету неси! – велела Агнес и сама направилась к карете. Заодно посмотрела, далеко ли телега с мужиком. А телега уже и недалеко. Обернулась тогда госпожа к Уте: – А ну, бегом, рыхлая! Бегом, говорю!

Служанка побежала, с трудом удерживая под мышками нелегкие рулоны сафьяна.

Игнатий уже двери кареты открыл, ступеньку опустил, ждет. Добежали, сели. Кучер прыгнул на козлы. Щелкнул кнут, карета дернулась и понеслась вперед. Ута тяжело дышала, на полу валялись два рулона дорогой кожи, а Агнес считала деньги.

Насчитала всего десять талеров. Негусто. Ничего, лиха беда начало.

В Лебенсдорф они не поехали, свернули на север к Мюнзингену. То город был немаленький, известный своим купечеством. Там новоявленная девица фон Розенротт решила заночевать. А пока ехали, заставила всех выучить свое новое имя и место, откуда она родом. И настрого наказала, чтобы при людях в дороге называли ее только по-новому.

В Мюнзинген они приехали, когда стража ворота закрывала, едва успели. Трактир искали в темноте, но нашли, и был он неплох.

Пока кучер распрягал, чистил и кормил лошадей, а Зельда и Ута занимались вещами и покаями, Агнес сидела в столовой и ждала ужина. Народу в гостинице собралось немало, многие столы были заняты приличной публикой. Ужинала там даже семья из благородных людей, которые, увидав, что Агнес в одиночестве сидит, через посыльного пригласили ее к себе за стол, на что девушка с благодарностями ответила отказом. Не до ужинов в семейном кругу ей было.

Она, попивая вино, поверх стакана глядела и выбирала себе новую жертву. Вернее, уже выбрала. И думала, как начать со своим избранником разговор.

Человек тот, во-первых, сидел один, ну, если не считать слуги, что приходил к нему пару раз. Во-вторых, одежда на нем оказалась хороша, судя по ней, он был из городских нобилей, перстни на пальцах сверкали. Никак не простой бюргер. У него перьев на берете было талера на три, не меньше, и берет он этот во время еды не снимал.

Был мужчина немолод, тучен и полнокровен, так что кровь прилиwała к его лицу, сделав его пунцовым. Ел он много, и пил он под стать.

Поймав первый взгляд Агнес, мужчина улыбнулся ей и отсалютовал кубком вина. Она тоже ему улыбнулась и тоже подняла за него стакан. Поняв, что он ее заметил, девушка, недолго думая, полезла в ларец свой, что стоял подле нее на лавке, достала оттуда красивый флакон с тем зельем, которое в мужах разжигает любовное горение. Вытряхнула из него пару маслянистых капель и размазала их у себя по шее.

Теперь она села так, чтобы дородный господин мог ее видеть, чуть выставила ножку свою из-под стола и как бы невзначай подобрала подол дорогого платья вместе с нижними юбками. Да так, что красный чулок стал виден намного выше ее башмачка. Чуть не до середины голени.

Быть такого не могло, чтобы сей конфуз не оказался замечен дородным господином. Красный девичий чулок сразу бросился ему в глаза. Мужчина таращился на него, как на невидаль, а Агнес, увидав его взгляд, сразу оправила платье, стыдливо потупила взор, а потом улыбнулась ему как можно более радушно.

Наживка была брошена. Сеть расставлена. Теперь требовалось просто ждать. Даже если бы сей господин и не соблазнился ее юными прелестями, уж точно поговорить, с ней он захотел бы. В дороге всегда хочется с кем-нибудь поговорить хотя бы за ужином.

Тут же господин позвал трактирного лакея и сказал ему что-то.

Лакей незамедлительно подошел к Агнес и, низко поклонившись, произнес:

– Добрый господин спрашивает, не желаете ли, молодая госпожа, присоединиться к его столу? Он просит о том с превеликим почтением.

– Что ж, скажи, что мне скучно и я приму его предложение.

Лакей тут же ушел и доложил о пожелании дамы дородному господину.

Господин встал, подошел к столу Агнес, снял свой великолепный берет и, поклонившись, представился:

– Имя мое Готфрид Викельбраун. Я глава консулата города Шоненбурга, сударыня. Если соизволите разделить со мной мой ужин, я буду счастлив.

– А я Вильма фон Резенротт, девица. Поместье папеньки моего под Ференбургом. Я приму ваше приглашение, так как скучно мне очень, а спать идти рано, в карете выспалась.

– Прошу вас, госпожа фон Резенротт. – Дородный господин подал ей руку, чтобы она могла выйти из-за стола. – Я счастлив, что кареты сейчас стали столь удобны, что юные девы могут спать в них на ходу, иначе у меня не было такой очаровательной собеседницы сегодня.

Он проводил ее к своему столу и хотел усадить через стол напротив, но Агнес отказалась.

– Сяду рядом с вами, мне так лучше.

– Почту то за честь. – Господин Викельбраун был совсем не против, чтобы столь юная и благородная особа сидела с ним рядом.

Беседа сложилась у них сразу. Член консулата города Шоненбурга велел нести еще вина, причем самого лучшего, и еще хорошего сыра, и бараньих котлет, и пирожных слоеных на меду, и кислой воды с лимонами, и конфет из жареного сахара, и всего остального, что так любят молодые госпожи.

Он хотел спросить, откуда она едет и куда, да все как-то не складывалось, девица больно любопытной оказалась и все время просила рассказывать его о его городе да о делах его, о семье. И так она была мила с ним, что могла его и по руке погладить, и сама ему вина налить, а не ждать лакея. И, кажется, от этой ее приязни неспесивой, а еще и от вина, наверное, стала девица эта ему очень мила. Так мила, что он осмелился и вдруг под столом своей ногой ее ноги коснулся. А она, словно и не заметила этого, ноги своей не убрала. И от этого стало его сердце биться сильнее. Он вдруг разволновался, жарко ему стало, берет снял.

А девица смотрела на него и цвела, улыбалась ему. Хоть и волосы у него росли из носа, хоть чесноком и вином от него разило, хоть лицо было все красно от полнокровия, она улыбалась ему, даже когда он руку ей на колено положил. И только когда господин стал ближе продвигаться, так, что это другие люди могли в трактире увидеть, она сказала:

– Будет вам, будет, господин Викельбраун.

– Ах, простите меня, старика, это от вина и духоты! – застыдился он. – Но уж больно прекрасны вы, больно молоды.

– А вы видели мои чулки? – спросила она, обворожительно улыбаясь.

– Конечно, но то случайно было. Случайно.

– А можете мне сегодня снять их? Служанки мои ленивы, может, и спать уже легли, – продолжала улыбаться Агнес.

– Я... Я... А будет ли то пристойно? – заикаясь, проговорил мужчина. – Не оскорбительно ли будет?

– А кто же тем оскорбится? Мужа у меня нет. Или, может, снимать чулки с дев младых для вас в тягость?

– Ах, что же вы... То не в тягость, то честь для меня, я с радостью.

– Или, может, сил у вас нет после дороги?

– Силы я в себе такие чувствую, каких давно не чувствовал, – хвалился господин Викельбраун.

Агнес засмеялась:

– Так идите к себе в покои и выгоните слуг, не люблю я, когда слуги меня видят.

– Сию минуту, только за стол расплачусь да вина, воды и конфет в покои прикажу отнести. И ждать вас буду.

Он ушел, а она еще посидела немного. Девушка еще не могла понять, как много нужно времени ее зелью забвения, чтобы оно действовать начало. Купец, что кожами торговал, так час или более продержался. А этот мужчина был больше. Конечно, она ему и капель больше в вино подмешала, но все равно лучше дожидаться, пока он засыпать начнет, чем с ним в постель ложиться.

Выждав время и выпив кислой воды, девица встала и пошла наверх. Там отыскала нужную комнату, приоткрыла дверь:

– Господин Викельбраун! – Тихо, никто не ответил. – Господин Викельбраун!

Тишина. Тогда Агнес вошла в покои и закрыла за собой дверь на ключ. Прошла в спальню и увидела мужчину. Он сидел на краю кровати, сняв одну туфлю. Берет валялся тут же на кровати. Сам господин спал, свесив большую седую голову на грудь.

Агнес толкнула его, а он не упал. Пришлось толкнуть еще раз прежде, чем мужчина завалился на кровать.

Кошель его оказался тяжел и полон. Девушка очень надеялась найти там золото, но не нашла. Зато талеров оказалось в избытке. А перстни у него и распятие на шее были золотые, их она тоже сняла. Заодно нашла ключ и обыскала сундук. В сундуке ничего полезного не обнаружилось. Хотела перья с берета оторвать, они ей сразу понравились, да уж больно крепко пришиты были, только поломала их, и все. После этого Агнес вышла из покоев господина Викельбрауна и заперла их на ключ.

Пришла в свои покои и велела Уте:

– Найди Игнатия, скажи, чтобы карета была готова до зари. Чтобы, как только отопрут ворота, мы выехали из них без задержки.

Не раздеваясь, она повалилась на кровать. Закрыла глаза. Оставалось несколько часов до рассвета. Агнес устала, ей хотелось отдохнуть. Но здесь, где совсем недалеко спал человек, которого она обобрала, это было невозможно. Девушка знала, что сможет хорошо поспать только тогда, когда покинет этот город.

Глава 12

Кавалер и его люди приехали в Мален уже после обеда. Пока постоянный двор нашли, пока разместились, поели, дело уже к вечеру пошло. Но тянуть не стали, отправились ко двору епископа. А епископ их принял сразу, звал к ужину. Ни Волков, ни брат Семион голодными не были, стали отказываться и говорить, что недосуг им, что по делу приехали. Епископ брата Семиона направил к своему казначею, а сам усадил кавалера в кресло и завел беседу, пока секретарь выписывал вексель. И весь разговор его сводился к одному: говорил он о том, что хорошо защищен тот, кто служит Господу и Матери Церкви.

Понимал кавалер, куда клонит чертов поп, кивал, соглашаясь. А сам думал и думал о власти, о герцоге. О том, каково жить герцогу в своей земле, если тут же, в твоей земле, живут люди, что твою власть оспаривают, в дела твои вмешиваются и волю твою попирают, а сделать с ними ты ничего не можешь. Ну что был способен поделаться герцог с этим престарелым епископом? Да ничего. А вот ему, Волкову, очень даже мог голову отрубить или в острог закинуть

на долгие годы. А поп и дальше тут сидеть будет, других храбрецов искать, пока Господь его не призовет.

– А говорил ли наш граф с вами, сын мой? – вдруг сменил тему епископ.

– Молодой граф предложил мне породниться через сестру свою, Элеонору Августу. –

Сразу догадался, к чему ведет епископ, Волков.

– И что же вы думаете? – заинтересовался старик.

– Просил две недели на принятие решения.

– О чем же вы думаете, сын мой? – кажется, искренне удивлялся поп. – Вы рода незнатного, а невеста ваша знаменитой фамилии. Она из Маленов, Малены – курфюрсты, их фамилия среди тех, кто избирает императора. Иметь такую жену вам все равно что городу иметь крепостную стену.

– Вы правы, вы правы, святой отец, – отвечал Волков.

– Так не медлите, – говорил епископ. – К чему эта медлительность? Берите ее к себе. Девица она бойкая, вам хорошей опорой будет.

Волкову этот разговор не нравился. Кажется, поп хотел, чтобы кавалер дал ему слово, что женится на Элеоноре. А ему почему-то не хотелось этого делать. Он и сам не понимал, с чего упрямится. Но... Но упрявился. Уж не из-за беззубой ли крестьянской девки? Неужели из-за распутной и своенравной красавицы?

Слава богу, тут пришел брат Семион с большим и тяжелым мешком. Серебро! Лицо монаха выражало удивительное смирение. Его вид так и кричал: «То не мне мзда, то Господу».

А тут и секретарь закончил с векселем. Он только подал бумагу под перстень епископа, тот сделал оттиск, а потом передал ее монаху. Брат Семион взял документ с тем же смирением и вдруг проговорил:

– Ваше преосвященство, кавалера ждут непростые дела, и затея его будет хлопотна и затратна, ведь знаем мы, что ратный люд алчен до серебра.

– И что же? – заинтересовался епископ. – У меня серебра больше нет, я вам вексель выдал, за который еще год расплачиваться буду.

– Дайте ему благословение на займ. Напишите поручительство.

– Поручительство? – спросил секретарь епископа.

– Пусть оно будет нейтральное, в виде рекомендации, – пояснил брат Семион, – и без выраженной суммы. Вы просто пообещаете, что поможете во взыскании долга в случае просрочки выплат процентов.

– Не понимаю я, о чем ты говоришь, мудрый брат мой, – сказал монаху епископ.

– А вам, ваше преосвященство, того и не надо понимать, – успокоил его брат Семион. – То банкиры поймут. Но вы юридически по нему нести ответственность не будете.

Епископ немного подумал, внимательно глядя на него, а потом махнул рукой и велел секретарю:

– Напиши ему все, что он хочет. – И тут же повернулся к брату Семиону: – А ты, премудрый брат мой, не загони мою епархию в долги, смотри.

– Не волнуйтесь, ваше преосвященство, ничего такого не случится.

Брат Семион с секретарем отошли к столу, за которым принялись составлять бумагу, а епископ, глядя на них, спросил у Волкова:

– Откуда у вас, сын мой, столь мудрый друг, где вы нашли его?

– Архиепископ мне его подсунул, – признался Волков.

– Архиепископова конюшня много ретивых жеребцов имеет, – задумчиво произнес епископ, а потом как будто вспомнил: – Сын мой, а что с дьявольским зверем, о котором много писал мне божий человек из ваших владений? Ловите его?

– Ловлю, – отвечал кавалер невесело. – Мне бы с этим монахом встретиться, да все недосуг, ездил к нему, но так не застал его.

– Непременно найдите его, не пренебрегайте делом этим. Не позволяйте отродью дьявольскому агнцами питаться. Вы в ответе за них, не забывайте.

– Так когда же мне делать все это? Вы на свадьбу меня подбиваете, распри затевать велите, еще и оборотня ловить заставляете, а мне еще лен свой поднимать да церковь строить! Разве ж все это одному человеку под силу? – говорил Волков, едва сдерживая возмущение свое.

– Простому человеку не под силу, а вам под силу, – смеялся епископ.

– Мне под силу? Да кем вы меня считаете? – удивлялся кавалер.

– Победителем ведьм хоккенхаймских, усмирителем упыря из Рютте, упокоителем мертвецов из Ференбурга. Героем, храбрецом, вершителем, Инквизитором. По-простому говоря – Дланью Господней.

– Кем? – не верил своим ушам кавалер.

– Дланью Господа, сын мой, – просто повторил старый епископ. – Дланью Господа. И поэтому полагаю, что все вам по силам. – Волков смотрел на него и не понимал, шутит старик или нет. А тот добавил: – Только за монахом своим приглядывайте, сын мой, уж больно он прыток, необыкновенно ретив.

Волков давно понял, что брат Семион умен и образован, многое знает и может быть полезен, но помимо этого кавалер понимал, что монах этот себе на уме, непонятно кому предан. И вообще предан ли хоть кому-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.